

Анжелика и заговор теней

Автор:

[Анн Голон](#)

Анжелика и заговор теней

Анн Голон

Анжелика #10

«Анжелика и заговор теней» – десятая из серии книг Анн Голон, открывшейся знаменитым историко-авантюрным романом «Анжелика – маркиза ангелов». Легендарная красавица и ее муж Жоффрей де Пейрак понимают, что нити направленных против них заговоров тянутся в столицу Новой Франции – в Квебек. Но именно там следует искать союзников. Поэтому они отправляются в долгое плавание. Им угрожают наемные убийцы, тайные и явные недоброжелатели. И все же только в Квебеке они смогут обеспечить безопасность своих поселений на американском континенте. Во время этого путешествия перед Анжеликой вновь возникают тени прошлого, образы тех, с кем она была связана в Версале, Париже и Ла-Рошели. Пытаясь обрести точку опоры, Анжелика вновь вглядывается в прошлое, чтобы понять настоящее.

Анн Голон

Анжелика и заговор теней

© О. Егорова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Часть первая

Кошмар

Глава I

Анжелика проснулась. Стояла глубокая ночь. Легкое покачивание стоящего на якоре корабля было единственным проявлением жизни. Сквозь окна кормовой надстройки проникал лунный свет, очерчивая контуры дорогой мебели в салоне «Голдсборо», и в его отблесках посверкивали золото и мрамор отделки и изысканные безделушки.

Свет, однако, не достигал алькова, где на широком восточном диване свернулась клубочком Анжелика.

Ее разбудило острое, почти болезненное желание, смешанное с тревогой и страхом, что вот-вот случится что-то ужасное и ей грозит опасность. Она попыталась вспомнить сновидение, всколыхнувшее эти чувства – страх и желание – и вырвавшее ее из сна. Что же ей такое приснилось? Что Жоффрей обнял ее или что кто-то хочет ее убить? Но она так ничего и не вспомнила.

Осталось только болезненно-сладостное ощущение, которое пронизало ее всю, от низа живота до сосков и корней волос.

И еще остался страх.

Место рядом пустовало, что само по себе было не так уж необычно. На постели оставалась еще ямка от тела того, кто проспал здесь несколько часов. Жоффрей

де Пейрак часто оставлял ее среди ночи и выходил прогуляться по кораблю.

Анжелика вздрогнула. Впервые с того момента, как они вошли в устье реки Святого Лаврентия, ее вдруг настигла мысль, которая до того возникала лишь мельком: они находятся во владениях французского короля.

Ее муж во Франции давно приговорен к смертной казни, а за ее голову объявлена награда. Теперь же они снова проникли на территорию, с которой некогда были изгнаны.

Конечно, они располагали значительными силами: флотилией из пяти кораблей. Но разве могло это сравниться с могуществом Людовика XIV, как бы далеко тот ни находился? Его влияние распространялось за пределы Франции, до самых окраин его королевства.

Здесь их подстерегало множество врагов, подвластных его воле. Суверен и здесь решал, кого казнить, кого миловать.

С тех давних пор, когда в лесах Пуату она сделала свой выбор, отважившись пойти против короля Франции, у Анжелики не возникало такого сильного ощущения, что ее загнали в западню. Ценой сверхчеловеческих усилий им с Жоффреем удалось бежать из Франции и обрести свободу в Америке. И вот теперь они слепо поддались соблазну приехать в Квебек, чтобы сыновья возобновили связь со Старым Светом, со своей родиной.

Что за безрассудство! И как только она позволила это Жоффрею? Как же она сразу не поняла, когда он решительно объявил: «Едем в Квебек!», что это чистое безумие, что никакого прощенья они не дождутся и, пока здесь правит всемогущий король, они на этой земле будут в постоянной опасности? Какому наваждению они поддались? Какая ностальгия ими овладела? С чего это вдруг они решили, что принадлежность к дворянству сгладит все препятствия и что со временем месть короля ослабеет? Теперь они вновь оказались в его власти.

К этим отчаянным мыслям прибавилась окружающая Анжелику темнота, и у нее возникло чувство, что она видит кошмарный сон. Ей вдруг показалось, что она действительно вернулась во Францию и находится у себя в замке в Пуату. Да не так уж и давно это было, каких-нибудь шесть лет назад. Она тогда осталась одна-одинешенька, все ее покинули. И ей тоже случалось просыпаться среди

ночи от мучительного желания, от отсутствия рядом любимого, от тоски по утраченной любви и от страха перед обступившими ее со всех сторон опасностями.

Анжелику вдруг охватила дрожь, ее преследовало ощущение дежавю и неотвратимо надвигающейся беды.

Она вскочила с постели. Желая убедиться в том, что она по-прежнему находится на корабле, Анжелика принялась лихорадочно ощупывать мебель. Вот порфиновый глобус, вот астролябия. Но это не принесло уверенности.

Ей вдруг показалось, что она – пленница корабельного салона с его недвижимой мебелью, со стеклянной перегородкой надстройки, разделенной на серебристые квадраты безжалостным лунным светом... Эта перегородка напоминала самую неприступную из тюремных решеток.

За решеткой кипела жизнь.

А она была мертва.

Король подстерегал ее повсюду. Лесные чащи в ее недосыгаемой провинции, где она когда-то взбунтовалась против короля, больше ее не защищали. Для королевской власти преград не существовало. Как бы далеко она ни убежала, король везде ее настигнет, и на нее обрушится его злоба и месть. Она угодила в ловушку. И теперь все кончено, она погибла.

Жоффрей исчез. Где он? Где же он? На другой стороне земного шара, там, где светит солнце, а не луна, где торжествует жизнь, а не смерть. Никогда больше, охваченный желанием, он не накроет ее своим сильным нагим телом. Она приговорена быть пленницей этого корабля-призрака, этих мрачных мест. Ей останутся лишь воспоминания о земных радостях, о его объятиях и неистовых поцелуях, которых она лишилась. Ад крошечный...

Анжелика так остро ощутила утрату, что совсем ослабела, и у нее вырвался стон. «Только не это! Только не снова! «- молила она.

Ее охватило безысходное отчаяние, и она стала вслушиваться в безжалостную ночь. И вдруг услышала шаги. Их звук вернул ей чувство реальности. Шаги были настоящими, и она сказала себе: «Ведь мы же в Канаде!» И снова потрогала порфиновый глобус, уже без ощущения кошмара, а просто чтобы убедить себя в том, что существует на самом деле.

«Мы находимся на „Голдсборо“!» – повторяла она себе, говоря «мы», чтобы воссоздать реальность, из которой всплывало болезненное воспоминание. Вот он, Жоффрей де Пейрак, стоит на полуяте, всматриваясь в тихую ночь, в дикие очертания Нового Света. А вокруг него свита, его корабли, его флот, стоящий на якоре возле отвесных скал Сент-Круа-де-Мерси. Да, она отчетливо вспомнила название: Сент-Круа-де-Мерси.

Укромный фьорд, расположенный в стороне от бурного течения реки, которая на этом участке еще находилась под влиянием океанских потоков. Местный лоцман сказал им: «Это Сент-Круа-де-Мерси, здесь можно стать на якорь на ночь!»

Во вполне определенном названии вполне определенного уголка берега Анжелике почудилось нечто жуткое, из области мифологии, словно лоцман вдруг взял и превратился в Харона, перевозчика душ умерших через реку Стикс. В этом месте царила смерть. То были врата ада...

Анжелика машинально оделась.

Зажигать свечу она побоялась, оставив ее мирно белеть в серебряном подсвечнике у изголовья. Анжелика опасалась, что свет только укрепит ее уверенность в ужасном предположении: «Я погибла, я мертва! Он исчез!»

Накинув на плечи плащ, она потянула за ручку двери. Ее сразу окутало глубокое дыхание ночи, горло перехватило, и ноздри втянули запахи корабля: пахло солью, чисто вымытой палубой, канатами и парусами, а откуда-то тянуло дымком и жареным мясом. Видимо, матросы готовили себе еду на маленьких жаровнях, каждый на свой манер, как принято у него на родине. Одному Богу известно, сколько разных рецептов шло в ход в этой компании, собранной со всех уголков земли.

Анжелика прислонилась к створке двери и вновь обрела былое хладнокровие. Она вдохнула полной грудью, и тревожное сердцебиение стало утихать.

Жоффрей где-то рядом, их разделяют всего несколько шагов вверх по деревянной, покрытой лаком лестнице. Сейчас она к нему подойдет. Он наверняка стоит в одиночестве, выпрямившись, как истинный завоеватель, и его силуэт четко вырисовывается на фоне неба. Сейчас она увидит его могучие плечи, стройные бедра, таящие столько жгучей страсти, ноги, обутые в богато украшенные сапоги. Погруженный в свои мысли, он ее поначалу не заметит. Именно по ночам, во время одиночной вахты, он строил планы, обдумывая нюансы своих многочисленных проектов и предприятий.

Она подойдет, и он скажет ей: «Вы не спите, милая?»

А она ответит: «Мне так захотелось увидеть вас, быть с вами рядом, увериться, что вы здесь, любовь моя. Мне приснился дурной сон. Было так страшно!»

Он рассмеется, и ей сразу станет теплее от его взгляда.

Анжелика давно поняла, что только она наделена силой вызывать к жизни эту радость в глазах гордого, проницательного, подчас безжалостного мужчины. Только обратившись на нее, его взгляд теплел и становился нежным. Он, повелевавший столькими судьбами, трепетал, когда чувствовал прикосновение ее рук, и опускался перед ней на колени. Только ей одной это было подвластно. Она знала, что один ее взгляд был щедрым даром для этого высокомерного аристократа, закаленного в битвах воина, а улыбка врачевала старые раны. И за каждое расставание с ней он платил высокую цену унижений и жестокой несправедливости. Он не лгал, когда говорил, что только благодаря ее великодушию он стал счастливейшим из мужчин. Осознание своей власти над этим неисправимым обольстителем женщин и уверенность в том, что только ей дана опасная привилегия возбуждать его ревность и что их связь сейчас прочна, как никогда, окончательно успокоили Анжелику. В ней снова вспыхнуло отчаянное желание любви. Еще несколько шагов – и она окажется рядом с Жоффреем.

Она осторожно возьмет его теплую руку, такую сильную, нежную, слегка пахнущую табаком, и поцелует каждый палец, совсем как любят делать мужчины, целуя руки любимых. А он погладит ее по щеке и тихо скажет: «Милая, шальная, безрассудная!»

Глава II

Но Жоффрея на палубе не было.

Анжелика увидела только норвежца Эриксона, который курил свою длинную трубку, выходя ночью на палубу с железным постоянством, присущим его характеру. Этот морской гений безукоризненно выполнял приказы, все схватывая на лету, молча управлял кораблем и в любое дело, доверенное ему, вцеплялся мертвой хваткой, как сторожевой пес.

Анжелика долго в него всматривалась, пока не удостоверилась, что это не Жоффрей. И в тот же миг полуют корабля снова стал враждебной территорией, на которой разыгрывалась ее судьба. И опять по ту сторону зеркальной воды встала темная стена леса, безымянная и бесчеловечная. Она подошла к моряку и сказала:

– Добрый вечер, господин Эриксон. А где господин де Пейрак?

Теперь поручни не загораживали ей обзор, и она разглядела огонь, разведенный на берегу.

– Он что, сошел на берег?

Эриксон встал на кривых ногах и приподнял шляпу с пером, которая красовалась у него на голове с того дня, как его назначили капитаном «Голдсборо» перед путешествием в Европу этой зимой. Он подчинился приказу, к радости всего экипажа. Авторитет этого коротышки на корабле был непререкаем.

– Так точно, мадам. Около часа тому назад господин де Пейрак приказал отвезти себя на берег.

– Он взял с собой охрану? – услышала Анжелика собственный помертвевший голос.

– Только оруженосца, Жана Ле Куеннека.

– Жана...

Она снова вгляделась в темный берег. Там бесконечно тянулся дремучий канадский лес, обиталище медведей и индейцев. Зачем надо было сходить на берег, углубляться в эту чащу, оставив ждать на узкой песчаной полоске среди затопленных водой корней двух часовых и шлюпку?

Анжелика посмотрела в бесцветные, непроницаемые глаза Эриксона:

– Он сказал вам, куда едет?

Эриксон помотал головой. Похоже, он колебался. Потом вытащил изо рта трубку и пробормотал:

– Ему привезли какое-то письмо.

– Кто привез? Индеец?

– Не знаю. Но господин, по всей видимости, ожидал вестей. Я видел только, как он прочел письмо, и слышал, как он отдал приказ спустить на воду шлюпку с двумя гребцами. Он поставил меня на вахту и сказал, что сойдет на берег и вернется через час или два.

Анжелика, будто очнувшись, вернулась к действительности. Все тревоги улетучились, она снова обрела ясность ума и хладнокровие. Ну вот! Что приснилось, то и сбылось. Опасность. Они проникли во владения французского короля, в места необитаемые, которые вполне могли стать западней.

Сказав норвежцу «ладно», она отошла медленным шагом и спустилась в каюту.

И сразу ее движения стали быстрыми и точными.

Анжелика достала огниво и зажгла лампы, вынула из ящика свой пистолет, сумку с запалами и рог с порохом. Проворно зарядив пистолет, она сунула его за пояс.

Потом огляделась вокруг. Что она искала в ночи, пахнувшей морем и древесным дымком?

Мимо прошел кто-то из моряков, на ходу натягивая куртку из буйволового кожи и зеая. Видно, проиграл последнюю партию в кости и теперь шел к себе в подвесную койку спать. Анжелика узнала Жака Виньо, плотника из Вапассу. И вдруг ее осенило. Теперь она знала, что делать.

– Жак, – сказала она, – найдите мне Куасси-Ба и Энрико Энци. Скажите, чтобы они взяли с собой оружие и ждали меня у трапа.

Она снова вышла на полуют и на этот раз застала там старшего мастера, который стал на вахту.

– Эриксон ждет вас внизу, мадам, – сказал он.

Эриксон уже велел спустить на воду шлюпку.

– Я подумал, мадам, что вы тоже пожелаете отправиться на берег. Позвольте мне сопровождать вас, поскольку господин де Пейрак никогда бы не пустил вас одну.

Анжелика поняла, что Эриксон тоже встревожен и хочет воспользоваться ее инициативой, чтобы нарушить инструкцию, которая сейчас его тяготила. Его и самого хозяин подчас сильно озадачивал. Он был предан Пейраку и очень за него переживал. А Жоффрей, с его независимостью и склонностью к риску, не принимал в расчет тревоги тех, кто находился с ним рядом.

– Господин Эриксон, я думаю, мы с вами хорошо поняли друг друга, – с признательной улыбкой сказала она.

По просьбе Анжелики Эриксон вызвал лоцмана, которого они наняли в Гаспе. Она хотела расспросить о том пустынном месте, где они бросили вечером якорь.

– А что это такое – Сент-Круа-де-Мерси?

– Это... да ничего!

– Но что находится в Сент-Круа-де-Мерси? Индейское стойбище? Перевалочная станция? Поселок?

– Ничего, – повторил лоцман.

«Тогда что понадобилось Жоффрею де Пейраку в месте, где нет НИЧЕГО?» – подумала Анжелика.

– Хотя там, наверху...

– Что?

Лоцман указал пальцем на вершину скалы:

– Там небольшой приют для капуцинов, давно разрушенный, индейцы его используют как временный склад пушнины в сезон охоты.

Кто же мог назначить Жоффрею встречу в таком пустынном месте?

Все, кого она попросила, явились: чернокожий Куасси-Ба, мальтиец Энрико и плотник Виньо.

Они уселись в шлюпку и вскоре причалили к берегу. Вместе с часовыми, следившими за костром, Эриксон оставил на берегу двух гребцов и попросил часовых указать, в каком направлении ушел господин граф. Те указали на начало тропы.

Глава III

Небольшая экспедиция тотчас принялась взбираться на гору, загасив фонарь. Только лунный свет, изредка проглядывая, освещал крутую тропу, ведущую на вершину. Пробираясь под ветвями, Анжелика утратила ориентацию в пространстве и чувство времени. Она словно опять оказалась в Пуату, где когда-то предприняла отчаянную попытку устроить бунт против короля Франции.

Тогда она точно так же рыскала по лесу в компании своих мятежных сторонников, которые шли за ней, как стая волков. Их переполняла злоба и объединяла ненависть: гугенотов и католиков, деревенских жителей и мелких дворян. Они шли за ней следом, чтобы сеять смерть. Молчаливые и угрюмые, как ночь, из которой они внезапно возникали, сбегая с крутого обрыва или прыгая с деревьев на королевских всадников на глухих дорогах, они умудрились более двух лет противостоять «карательным отрядам», опустошавшим провинцию, и даже обратить в бегство войско короля Франции, посланное их усмирить.

Она поднималась как в трансе, не чувствуя ни усталости от подъема, ни царапин, которые оставались от хлеставших ее веток. Воспоминания и чувства теснились внутри, словно та, прежняя Анжелика завладела ее телом.

Только на этот раз она шла в бой, чтобы защитить и спасти того, кого любила.

Маленькая и узкая прогалина на самом краю крутого утеса резко обрывалась прямо в темные воды реки Святого Лаврентия. Они еще не очень удалились от мыса Гаспе, с его обрывистыми неровными скалами, где гнездились тысячи птиц. Океан все еще царил в этом соленом лимане, здесь слышался шум его волн и вспотевшие лбы скалолазов холодил сильный, терпкий ветер.

Осматриваясь кругом, Анжелика видела лишь наклонную поверхность беловатой в лунном свете прерии, которая заканчивалась обрывом. И тут кто-то слегка толкнул ее, чтобы привлечь внимание. Виньо делал ей знаки, указывая на что-то наверху справа. Она увидела слабый свет и хижину, похожую на ласточкино гнездо. Хижина стояла недалеко от опушки леса, и лесная тьма почти скрывала ее очертания. Ее выдавал только свет, идущий изнутри: видимо, там была зажжена свеча или горел очаг.

Отряд остановился на опушке. Анжелика обернулась к Куасси-Ба и сделала ему знак рукой. Тот надвинул капюшон плаща на поседевшие волосы и стал совсем невидим: его черная физиономия слилась с ночной темнотой. Медленно и осторожно он двинулся между деревьями к хижине.

Они видели, как он подошел и заглянул в окно. Вернулся он почти сразу и прошептал, что свет действительно идет изнутри. В хижине горел огонь, но разглядеть ему ничего не удалось, потому что окна затянуты непрозрачной рыбьей кожей. Однако он явственно различил два голоса и готов поклясться, что

один из них принадлежал графу де Пейраку.

Значит, он в хижине! Но с кем?

Тревога Анжелики постепенно унималась. Ее успокаивала мысль, что он рядом и, слава богу, жив.

Кто-то вызвал графа де Пейрака, и он отправился на встречу, не позаботившись о более надежном эскорте на случай необходимости. С собой он взял только Жана Ле Куеннека, а не охрану из испанцев. Наверное, он знал, к кому идет, и не исключено, что ждал этой встречи. Анжелике он ничего не сказал. Она научилась его понимать и знала, что каждую экспедицию он тщательно готовил загодя: у него повсюду были свои люди.

Интересно, как давно он задумывал это путешествие в Квебек?

Она не удивилась бы, если бы узнала, что его ждал посланец от господина де Фронтенака, наместника в Новой Франции, который был им предан. Однако, зная враждебность населения, у которого правление наместника вызывало только страх, он предпочел увидаться тайно.

Немного успокоившись, Анжелика все-таки решила пока не сниматься с места.

Непонятно почему, но это место казалось ей мрачным. Тревога, которую она старалась не показывать, все-таки передалась ее спутникам, и они отнеслись к этому очень серьезно. Они тоже не двигались с места. Им тоже все это казалось очень подозрительным. Глядя на них при тусклом свете, еле различимом сквозь густую листву Анжелика видела, как напряглись и посуровели их лица. Один из них снова тронул ее за руку и указал на что-то пальцем. С другой стороны хижины возникло какое-то движение. Они затаили дыхание. Оттуда спокойно вышел Жан Ле Куеннек и небрежным шагом обошел вокруг хижины. Юный оруженосец спустился к краю обрыва, бросил взгляд в чернеющую пропасть, словно вслушиваясь, как внизу бьются о скалы волны, и снова поднялся к хижине. На полпути он остановился и раскурил трубку. Потом зевнул. Наверное, ночь казалась ему очень длинной, да и ситуация не требовала от него особого напряжения сил.

Анжелика колебалась: дать бретонцу понять, что они здесь или нет? Он, казалось, совсем не волновался и мог бы все истолковать неправильно, да и Жоффрей тоже.

Но это значения не имело. И тут перед взором Анжелики внезапно мелькнула другая сторона медали: экспедиция в Квебек, куда отправился граф де Пейрак с частью своих подданных и флота. Нельзя сказать, чтобы их порыв был совсем уж легкомысленным, просто почти все они были французами по рождению и рассчитывали встретить земляков. И все препятствия иного толка словно стерлись в их сознании. Они в какой-то мере позабыли, что жестокий рок навсегда сделал их изгоями на родной земле.

Да тот же Жан, прикончивший когда-то одного из стражников сеньора д'Юельгоа за то, что тот повесил его отца за убитого зайца, этот самый Жан, весельчак и прекрасный товарищ, не помнил, что на территории Франции его все еще ожидает пеньковая веревка.

Вместо того чтобы отважно бросаться вперед, надо было подойти к делу с удвоенной хитростью и осторожностью, учитывая, что здесь никто не станет их защищать от закона и от анафемы, которой их предали и которая в глазах соотечественников сделала их висельниками.

Только собственные силы, отвага и бдительность позволят им победить и выйти живыми и невредимыми из этого безумного, хотя и необходимого предприятия, как саламандра выходит невредимой из огня.

Главное – не обольщаться.

Пусть берега великой северной реки пока необитаемы, все равно надо помнить, что любые контакты с населением, будь то индейцы, крестьяне, проповедники, священники или королевские чиновники, могут оказаться смертельно опасными.

Она все еще была погружена в свои мысли, как вдруг, подняв глаза, подумала, что ей снится сон, словно продолжение ее невеселых раздумий.

Из леса быстро и бесшумно, как хищные птицы, выскочили двое, в несколько прыжков догнали Жана и набросились на него. Завязалась короткая схватка, и в результате застигнутого врасплох бретонца одолели, ударив по голове.

Избитый, он лежал на земле и не двигался.

В ночной тишине раздался низкий хриплый голос:

– Его и связывать не надо. Камень на шею – и в воду. Вот одного и убрали!

Это говорил один из нападавших. В неверном, мерцающем свете луны, которая то и дело заволакивалась дымкой, покушение произошло столь стремительно, что невидимые свидетели на опушке едва успели понять, что случилось.

Они отреагировали только тогда, когда увидели, как безжизненное тело оруженосца волокут к обрыву. Анжелика первая бросилась вперед, а за ней, так же стремительно и бесшумно, как незнакомцы всего миг назад, ринулись остальные. Они действовали слаженно, стараясь не проронить ни звука, чтобы не спугнуть тех, кто остался в хижине с графом де Пейраком.

Старая рапира Эриксона в умелой и мощной руке хозяина почти надвое рассекла череп первого нападавшего, который рухнул, как дерево под ударом топора.

Второй обернулся, и тут на него обрушился сокрушительный удар, загнав обратно в глотку готовый вырваться крик. Узловатая черная ручища Куасси-Ба обхватила его за горло с силой удава, душащего жертву, и, резко дернув голову назад, сломала ему шею.

Жизнь, полная опасностей и борьбы, превратила большинство людей де Пейрака, и прежде всего его старых компаньонов, в грозных убийц.

Теперь на жесткой траве рядом с телом потерявшего сознание Жана валялись два трупа.

Знаками Анжелика дала понять, что их надо оттащить подальше. Ей хотелось осмотреть незнакомцев и постараться понять, кто мог их подослать: матросы, порвавшие с экипажем, лесные разбойники, челядь кого-нибудь из местных властителей... В любом случае это были головорезы. Она не сомневалась, что их сюда прислали не только для того, чтобы устранить Жана, но чтобы атаковать и убить де Пейрака, когда он выйдет из хижины.

На фоне девственного канадского леса, полного шума воды и голосов диких зверей, эта сцена выглядела нереальной. Но предчувствия Анжелику не обманули: против них начали войну.

Тем временем птицы, растревоженные суматохой и человеческой жестокостью, начали вылетать из своих гнезд на скалах и с отчаянными криками кружить над лесом. Некоторые с клекотом приземлялись на прогалину.

Заметив какое-то движение в хижине, Анжелика и ее отряд быстро ретировались в тень, утащив с собой тела.

При этом они не спускали глаз с двери хижины, которая со скрипом отворилась.

- Что там за крики? – спросил мужской голос.

- Да ничего, это птицы, – раздался голос Жоффрея де Пейрака.

Чтобы выйти из хижины, ему пришлось нагнуться, но он тотчас же выпрямился и сделал несколько шагов.

Его было хорошо видно в лунном свете. Он огляделся вокруг и наверняка по еле заметным признакам заподозрил что-то неладное.

- Жан! – крикнул граф.

Верный оруженосец не вышел и не ответил, и тому была веская причина.

В этот момент следом за графом из хижины появился другой ее обитатель.

Насколько можно было судить с приличного расстояния, человек явно пожилой, сутулый, нескладный, и вид у него был какой-то неуверенно-разочарованный. Вряд ли он представлял собой опасность.

Как и Пейрак, он взглянул на прогалину, над которой носились птицы.

– Здесь кто-то побывал, – произнес голос де Пейрака, – а может, это Жан. Только вот где он?

Глуховатый голос, который Анжелика так любила, заставил ее сердце затрепетать. Жоффрей не надел маски. В тусклом свете луны она узнала любимое лицо, изрезанное шрамами, которые сейчас проступали особенно ясно. Такое лицо могло испугать, но в тех, кто знал задушевную доброту Жоффрея, его ум, обширные познания и необычайные способности, оно вселяло уверенность.

Сердце Анжелики сжалось от отчаянной любви. Он был жив. Она успела вовремя. Деланое равнодушие, с которым держались оба обитателя хижины, на нее не действовало. Она точно знала: опасность бродит где-то рядом. Быть может, и Пейрак начал это подозревать: она догадалась по тому, как он напрягся.

Рука Анжелики сжимала рукоять пистолета, курок был взведен.

Глаза ее неотрывно следили за человеком, который стоял чуть поодаль, у самой двери, и тоже бросал по сторонам быстрые, цепкие взгляды.

«Он наверняка недоумекает, куда подевались его подручные, – думала она. – Держу пари, они давно уже должны были напасть на Жоффрея сзади, как было условлено. Старик явно не из тех, кто сам выполняет задания».

В ту же секунду, словно в опровержение ее мыслей, она увидела, как этот тип бросился на Пейрака, поднимая шпагу.

Анжелика вскрикнула и сразу выстрелила.

Граф де Пейрак отскочил в сторону. Он был уже настороже, со шпагой в руке. Но выстрел пресек выпад неприятеля.

Он зашатался. Прозвучал второй выстрел, и старик рухнул, растянувшись во весь рост. На белой от лунного света земле он казался длинным и тонким, как змея.

Пейрак поднял глаза. Среди деревьев он разглядел Анжелику. Она стояла прямо, бестрепетно вытянув руку с пистолетом, из дула которого поднималась тоненькая струйка дыма.

Она была прекрасна, как богиня войны.

– Великолепный выстрел, мадам!

Это были первые слова, которые произнес Пейрак. Анжелика приближалась к нему каким-то особенным, скользящим по поверхности земли шагом и оттого казалась фантастическим существом. Лунный свет подчеркивал бледность ее лица, и вся она словно просвечивала насквозь, в ореоле светлых волос, в серебристом серо-голубом плаще на плечах. В ее фигуре не было ничего материального, осязаемого, кроме сиявшего деревом и сталью пистолета, который она сжимала в руке и который никак не вязался с этой рукой, хрупкой и нежной. С рукой феи.

Однако оружие эта рука держала крепко. Как бы тяжел и неудобен ни был пистолет, рука не дрогнула, готовая еще раз нажать на курок. А во взгляде Анжелики Пейрак вдруг заметил остроту и цепкость, которых раньше не знал. Словно для нее было обычным делом пробираться в ночной темноте сквозь лесную чащобу.

Она подошла и стала рядом, все еще настороже, и у него возникло ощущение, что это материализовался его ангел-хранитель, которого каждому из людей дает вера.

– Они хотели вас убить, – прошептала она.

– Вне всякого сомнения. Если бы не вы, я был бы уже мертв.

По телу Анжелики пробежала дрожь. Без ее вмешательства он был бы мертв.

Она бы вновь познала тот кошмар, которому нет названия: быть разлученной с ним, потерять его навсегда.

– Надо бежать, – сказала она. – И зачем только вы решились на это безумие, на это безрассудство?

Он презирал себя за то, что она назвала безумием и безрассудством.

– Признаю, я виноват. Этот человек представился посланцем господина де Фронтенака. От Фронтенака я не мог ожидать предательства. Это хороший урок. Теперь я стану презирать себя вдвойне. Если бы не вы, дорогая... Но где же Жан?

Юноша уже пришел в себя. Все сгрудились возле графа де Пейрака. Ему коротко описали нападение, жертвой которого стал его оруженосец. Стало ясно, что нападавших расставили по местам специально, чтобы уничтожить охрану графа.

Пейрак опустился на колени возле тела застреленного и перевернул его. Первую пулю незнакомец получил прямо в грудь, вторая пробила спину, когда он падал. Не осталось никаких сомнений, что он мертв. На обмякшем лице с разинутым ртом застыло удивленное выражение.

– Маркиз де Варанж, – произнес Пейрак. – Правитель Новой Франции послал мне с ним письмо, в котором поздравлял меня с прибытием. Сознывая, насколько здесь непопулярна его политика, но при этом не желая ее менять, он настаивал на соблюдении абсолютной секретности нашего свидания. Он хотел поставить Квебек перед свершившимся фактом, и это понятно. Сознаюсь, я следовал его указаниям и никому не сказал ни слова о нашей первой встрече. Но, встретившись с Варанжем, об этом пожалел. Он сразу показался мне подозрительным, но почему – сказать не могу.

С тропы, ведущей к берегу, послышался хруст веток и раздался чей-то голос:

– Эй, что тут происходит?

Встревоженные выстрелами, двое часовых, выставленных у шлюпок и костра, отважились отправиться на поиски отряда.

– Эриксон, – быстро сказал Пейрак, – постарайтесь, чтобы об этом деле не болтали.

Капитан «Голдсборо» вышел навстречу своим людям:

– Все в порядке, ребята. Возвращайтесь на пост...

И вернулся к отряду. Решили держать совет. В наличии имелось три трупа, и один из них – известный колониальный чиновник, правая рука правителя Новой Франции. Однако безлюдное место, выбранное для злодейского нападения на Пейрака, само по себе облегчало задачу ликвидировать следы разыгравшейся драмы.

– Леса тут обширные, река глубокая, – сказал Пейрак. – И вы все умеете хранить секреты. Вам не впервой, друзья мои.

Он быстро пересчитал всех, кто пришел с Анжеликой. Эти были – могила. А их память – запертая камера подземной тюрьмы. Если из нее что вычеркивали, то навсегда. Они даже на дыбе ничего не вспомнят.

Рука Жоффрея де Пейрака обвилась вокруг талии Анжелики, и, крепко ее сжав, он вывел любимую из состояния ступора, в котором она пребывала, не спуская пальца с курка.

– А вы, мадам, – как вам удалось предвидеть то, что должно случиться, и оказаться в нужный момент в нужном месте?

– Предчувствие! Больше ничего, но оно было таким сильным! Импульс, толчок, страх от сознания того, насколько плохо вы защищены, чтобы встречаться с кем-либо в этих краях, где на каждом шагу вас поджидает ловушка. Я так волновалась, что больше не могла ждать. А их я попросила меня сопровождать. Но клянусь, больше никто об этом не знает.

– Если бы не мадам графиня, вам пришлось бы туго, монсеньор, – заметил Эриксон.

– Быть бы мне в саване святого Лаврентия, – криво усмехнулся Пейрак.

Анжелику снова охватила дрожь, и граф ощутил под ладонью, как ее тело, только что такое твердое, как сталь, вдруг разом ослабло и затрепетало.

Воображение нарисовало Анжелике ужасную картину: Жоффрей мертв, а тело его сбрасывают со скалы с камнем на шее. Ведь его снова чуть предательски не убили, застав врасплох.

Жоффрей был прав: преступление совершилось в строжайшей тайне, о нем никто не знал. А значит, следует и дальше о нем молчать. И полностью уничтожить следы.

Ведь еще до поездки в Квебек они не могли похвастаться безупречной репутацией. Не хватало еще запятнать себя смертью маркиза де Варанжа. Ее могут расценить как проявление агрессии, а не как самозащиту. Станут кричать об убийстве, резне.

– Я не знаю, что за замыслы были у этого негодяя, – снова заговорил Пейрак после минутного размышления, – но почти уверен, что он действовал не по приказу Фронтенака. Это исключено. А вот что он пренебрег теми уверениями в гостеприимстве, в которых рассыпался передо мной губернатор, это несомненно. В отношении нас Квебек разделился на фракции. Фронтенак, видимо, ошибся в выборе посредника. Если он вообще его выбирал...

Стоя на коленях возле убитого, граф обшарил его карманы и извлек оттуда все содержимое, включая бумаги. Не обнаружив ничего, что могло бы пролить свет на организаторов заговора, он все рассовал по местам.

– Никаких следов! У нас не должно остаться ничего, что навело бы на мысль о нашем пребывании здесь, среди этих людей. Я оставил в кармане де Варанжа письмо Фронтенака. Пусть думают, что мне его не передали. Они хотели, чтобы мы бесследно исчезли, – так пусть исчезнут сами.

Он послал Эриксона в хижину, чтобы тот проверил, не осталось ли там каких следов пребывания графа.

Затем увлек за собой Анжелику, и они стали спускаться к берегу. Куасси-Ба, Виньо и Энци остались, чтобы зачистить опушку.

На полпути, под тенью деревьев, Жоффрей де Пейрак взял Анжелику на руки, страстно прижал к себе и прошептал:

– Вы спасли мне жизнь, любовь моя, и я вам за это тысячу раз благодарен.

Они снова слышали крики встревоженных морских птиц, которые кружили над мысом. Вода в реке успокоилась. Исчезли все следы происшедшего на пустынных просторах реки Святого Лаврентия в черной как сажа ночи. Теперь все казалось просто ночным кошмаром.

«Голдсборо» – вот прибежище, которое не грозило им смертью. Анжелике хотелось скорее укрыться там вместе с Жоффреем. Только на «Голдсборо» она окончательно поверит, что спасла его.

Дрожь не оставляла ее, пока шлюпка, подгоняемая сильными гребками, быстро шла к неподвижному кораблю. Три ярких, красных с золотом фонаря кормовой надстройки, в форме свечей, отражались в тихой ночной воде. Анжелика так и не выпускала руку графа. Тот изредка поглядывал на нее сверху вниз, но ничего не говорил.

Он понимал, как потрясли ее события последних часов. Да и его тоже. Причем ее чудесное вмешательство потрясло его больше, чем нависшая над ним опасность... Как ни посмотри, а для него это стало полной неожиданностью, шоком: она появилась настолько вовремя, с такой отчаянной неукротимостью, готовая на все, чтобы его спасти. И действительно спасла ему жизнь. Теперь он по-настоящему осознал, до какой степени она его любит и какое место он занимает в сердце этой женщины. Когда увидел, как она возникла вдруг из лесной чащи, с оружием в бестрепетно вытянутой руке, и наповал сразила человека, который ему угрожал, ему открылось в ней нечто незнакомое и загадочное. Пораженный этим открытием, он еще бережнее прижал ее к себе, и восхищение пересилило в нем все другие чувства. Ему подумалось, что эту необыкновенную ночь он всегда будет вспоминать как праздник. Смерть подобралась к нему очень близко, так ведь это не впервые. Совершенно новым было сладостное ощущение полного счастья, эйфории оттого, что он остался жив благодаря той, кого любил. В самый неожиданный момент она подарила ему жизнь и страстное желание любви. Вот что было бесценно и осветило канадскую ночь, как звезда.

Прижавшись к нему, Анжелика никак не могла прийти в себя от пережитого. Пронзительная тревога, охватившая ее и, как зов, буквально вырвавшая из

собственного тела, причинила боль. Она и в самом деле чувствовала себя больной.

Когда они оказались наедине в каюте «Голдсборо», в своих владениях, в прекрасном салоне, который был свидетелем стольких сцен страстной любви, нервы у нее сдали, и она яростно накинулась на него с упреками:

– Зачем вы это сделали? Это безрассудство! Хоть бы предупредили, рассказали, в чем дело. Я бы заранее почувствовала опасность... Я знаю себя. Я не побоялась пойти против короля Франции. И мне известно, на какое предательство способны его люди... Мятежница из Пуату – это я! А вы мне не доверяете. Я для вас не в счет. Всего лишь жена, которую вы презираете, ни во что не ставите и знать не желаете!

– Дорогая, – прошептал он, – успокойтесь. Вы же только что спасли мне жизнь и вдруг устраиваете супружескую сцену.

– Это вещи вполне совместимые.

И она бросилась в его объятия, совсем потеряв силы:

– Любимый мой, любимый мой! Мне снова приснился кошмар, который я часто видела, когда была одна, вдали от тебя: я бегу к тебе через лес, чтобы спасти от опасности, но прибегаю слишком поздно. Какой страшный сон!

– Но на этот раз вы не опоздали.

Он поцеловал ее и погладил по шелковистым волосам.

Она вдруг закинула голову и посмотрела ему прямо в лицо:

– Вернемся, Жоффрей! Вернемся в Голдсборо. Впереди нас поджидают лишь опасности. Теперь я понимаю, на какое безумие мы отважились. Ведь мы собираемся проникнуть во Французское королевство. Здесь, в этой дали, в Америке, мы отдаем себя в руки короля и его Церкви. Короля, против которого я боролась, и Церкви, которая нас прокляла. Нам удалось сбежать от них и стать

свободными, и вот теперь мы снова окажемся у них в руках. Это безумие!

– Мы вернемся с кораблями и с золотом, с договорами о помиловании за истечением срока давности.

– Я в это не верю.

– И вы, моя воительница, хотите отступить после первого сражения? Да это была просто пустяковая перестрелка, ерунда. Мы получили доказательство, что наш союз достаточно силен, чтобы вместе достичь цели.

Он крепко обнял ее, словно желая передать свою силу и уверенность. Но ее это не убедило.

– Нам обязательно ехать в Квебек? – спросила она, и голос ее дрожал от неосознанной тревоги. – Сначала мне все казалось проще простого: мы едем к своим друзьям. А потом я вдруг увидела обратную сторону медали: нас поджидали, ловко заманили в ловушку, чтобы сцапать, а потом и уничтожить.

– Не надо терять голову! На самом деле все не так просто, но и не так страшно. Там у нас есть верные и надежные друзья.

– И непримиримые враги тоже! Мы их уже видели! – Она покачала головой и повторила: – Нам действительно надо в Квебек?

Он ответил не сразу.

– Да. Я думаю, надо, – наконец твердо сказал он. – Это рискованно, и придется преодолеть немало препятствий. Но мы сможем пересилить накопившуюся против нас враждебность, лишь встретившись с людьми лицом к лицу. А если пересилим, то обретем мир, который нам так необходим. Чтобы выжить, мир нужен и нам, и нашим детям, и слугам, и нашим друзьям. Без этого вся наша свобода – не более чем обман. За нами всю жизнь кто-то будет гнаться.

Он взял ее лицо в ладони и погрузился взглядом в изумрудные глаза, в которых светилась бездонная тоска. Та самая тоска, что была в глазах маркизы дю Плесси-Бельер, когда она в одиночку вышла на борьбу с королем Франции, и в

глазах той безвестной женщины, Мятажницы из Пуату, которая только что предстала перед ним на лесной опушке.

– Не бойся ничего, любимая, – прошептал он. – Не бойся ничего! На этот раз я буду с тобой. Нас будет двое, мы будем вместе.

И ему удалось отогнать ее неотвязную тревогу, укрепить уверенность в будущем и в их судьбе. Она понемногу приходила в себя. Случай, позволивший ей прийти на помощь любимому, казался ей уже не поражением, а скорее удачей.

Радость вытеснила страх. Опьянение уверенностью, сбывшаяся мечта об обретенной любви захлестнули ее. Она изнемогала от счастья. Внизу живота, там, куда положил руку Жоффрей, снова полыхнуло жаром. Она прикрыла веки в знак согласия и радостного подчинения:

– Пусть будет так! Едем в Квебек, мой любимый повелитель. Но тогда обещаю мне... Обещай мне...

– Что?

– Сама не знаю! Что ты никогда не умрешь, что всегда будешь меня охранять... что ничто больше нас не сможет разлучить... что бы ни случилось... что бы ни случилось...

– Обещаю.

Он рассмеялся.

Губы их слились. Забыв обо всем, они предались любви, что день ото дня все крепче соединяла их и сама по себе уже была победой.

Часть вторая

Вниз по течению

Глава IV

– Ах! – вздохнул маркиз де Вильдавре, вдыхая влажный соленый воздух реки. – Ах! Как я люблю эту атмосферу любви...

Интендант Карлон озадаченно на него взглянул.

Они находились на палубе корабля, стояли морозные ноябрьские сумерки, и тот факт, что свинцовое небо чуть приоткрылось на горизонте, пропустив золотистый луч, еще не оправдывал таких радостных восклицаний. Синезеленая вода беспокойно волновалась. Под густым покровом леса, позолоченного закатом и красками осени, в окрестностях реки Святого Лаврентия прятались враги: волосатые горцы с проколотыми носами и рваными ушами, индейцы племени алгонкинов, дикие и свирепые, как кабаны.

Время от времени с пронзительными криками пролетали птицы.

И где он во всем этом нашел любовь?

– Разве вы не чувствуете, Карлон, – продолжал маркиз, выпятив грудь под шубой из меха выдры, – этого неистовства любви? Ах! Любовь! Какой благословенный климат, только в такой атмосфере человек может воистину расцвести, резвиться как рыба в воде. Как чудно в нее погрузиться и родиться заново! Не часто мне доводилось ощутить ту силу, с которой она царит вокруг.

– Но... любовь к чему? – не унимался интендант, постепенно раздражаясь.

Конечно, маркиз де Вильдавре был оригиналом. Но в определенные моменты возникали опасения за его рассудок...

Под холодным и подозрительным взглядом собеседника маркиз еще больше распалялся:

– Любовь ведь так коротка! Любовь с ее наслаждениями, обмираниями и сладострастными битвами, с ее чарами и полными тайн ожиданиями, с короткими ссорами и пьянящими примирениями, с ее быстро утихающими страхами и горькими разрушительными сожалениями, которые тают, как снег на солнце, от одной-единственной улыбки, с ее надеждами и уверениями, с этими восхитительными порывами сердца и плоти... она обогащает изумлением перед каждой мелочью, и вы живете уже в другом мире, где есть только двое, только двое, готовые, если надо, умереть в тот же миг, ибо каждый миг, каждый час, каждый день есть ступень к райскому блаженству, где несть числа чудесам, и кажется, что никогда не ослабеет сила чувства...

– Что-то вы заговариваетесь... А может, выпили лишку.

Интендант бросил подозрительный взгляд на низкий столик, где стояло угощение. Бокалы, хрустальные кубки и столовое серебро поблескивали в лучах заходящего солнца, но к графинам с вином и ликерами, похоже, пока никто не притронулся.

– Да, я выпил, – согласился Вильдавре, – я опьянен божественным эликсиром, о котором вам рассказываю:

Любовью. Она сияет, хрупкая и почти неосязаемая, но такая сильная, могущественная и страстная, что кажется, будто я окружен ее чудесными флюидами, которые не могу не почувствовать и не воспринять... Ну что вы хотите, я такой чувствительный...

– Флюиды, – повторил Карлон. – Ну да, и правда, флюиды присутствуют, только в них нет ничего райского. Вот интересно: мы ведь находимся далеко от моря, а морские запахи все равно чувствуются, даже здесь.

– Да кто же вам говорит про морские запахи? – простонал маркиз. – Какой вы все-таки приземленный человек! Я тщетно пытался хоть чуточку вас взволновать.

Он разочарованно отвернулся и взял конфету из хрустальной вазы. Дегустация явно подняла ему настроение, и он снова воодушевился:

– Ну вот! Даже в этом лакомстве я вижу знак Любви. Разве не подвиг любящего сердца доставить все эти деликатесы сюда, в такую даль, в пустынный край, невзирая на всю суровость этих мест, чтобы любимому существу было легче эту суровость преодолеть? Что есть любить, как не положить к ногам любимой все земные богатства и не стремиться душой и сердцем к этому волшебному созданию? Ну разве я не прав? Эти знаки любви и нежности никого не смогут оставить равнодушным, даже вас. Да, даже ВАС...

Он уставил указательный палец в грудь Карлону и постучал.

– Вы опять заговариваетесь и к тому же делаете мне больно.

Но маркиза де Вильдавре, губернатора Акадии, уже понесло.

Он ухватил собеседника, который был на голову его выше, за отвороты пальто:

– Уж не хотите ли вы сказать, что вас это совсем не трогает? Как бы ни было ничтожно ваше жалкое естество королевского служаки, вы не заставите меня поверить, что в вашем бледном и холодном рыбьем теле не бьется сердце и не трепещет мужское естество!

Совсем опешивший Карлон высвободился из его рук:

– Губернатор, я привык к вашей бестактности, но тут вы перешли все границы. Позвольте вам еще раз заметить, что я ничего не понял из вашей бредовой болтовни. Становится холодно, скоро ночь, мы плывем в Квебек, где нас поджидают бесчисленные враги, а вы вдруг заявляете, что погрузились в атмосферу любви! Любви к ЧЕМУ, я вас спрашиваю?

– Отчего же к ЧЕМУ? – топнул ногой маркиз. – Могли бы спросить: к КОМУ? Да глядите же, слепой вы человек! Смотрите – и увидите, кто к нам приближается...

Торжествующим театральным жестом он указал на группу людей, появившуюся у леера кормовой надстройки. Против света, на фоне золотистого неба, все в

шляпах с пышными плюмажами, они мало чем отличались друг от друга, за исключением одной, явно женской фигуры.

– О, ну вот! ЕЕ-то вы видите? – не отставал от собеседника дрожащий от волнения маркиз. – ЕЕ, единственную? Женщину, наделенную всеми милостями природы, всем очарованием безупречной женственности? Один ее взгляд может ослепить, одно слово, слетевшее с этих дивных уст, может осчастливить навеки. Ее нежность покоряет, а необузданность потрясает до глубины души. И неясно, взывает ли она к вашей силе, чтобы защитить свою чарующую слабость, или хочет разбудить слабость в вас, чтобы обнаружить свою скрытую непобедимую силу и возбудить в вас желание прижаться к ее горячей груди, как прижимаются к груди матери. С этой женщиной не поймешь, чем она покоряет: самыми нежными или, напротив, самыми опасными качествами своего пола. Однако могу сказать наверняка: находясь рядом с ней, ни один мужчина, да и вообще ни одно живое существо не может остаться равнодушным. Она ни на кого не похожа, в ней присутствует то неодолимое очарование, которое, на мой взгляд, и есть главное и тончайшее качество женщины, ЖЕНЩИНЫ в своей сути...

Ему пришлось перевести дыхание.

Интендант Карлон молчал, но в его взгляде зажглась искорка интереса.

В этот момент Анжелика, графиня де Пейрак, в сопровождении супруга и пышно разодетых морских офицеров графского флота – капитанов, старших помощников, старших матросов – начала спускаться по лакированной деревянной лестнице на нижнюю палубу. Даже на таком расстоянии сияющая красота единственного на корабле женского лица притягивала внимание, и было невозможно понять, отчего так светится это лицо: то ли заходящее солнце оживляет его, то ли приоткрывавшая губы нежная и радостная улыбка, с которой она прислушивалась к речам своих спутников. Ни маркиз, ни интендант не могли отсюда услышать, что именно они говорили, но, судя по улыбке графини, что-то очень забавное.

Широкополая шляпа из белого фетра окаймляла ее голову, словно нимб. Белый шелковый плащ, подбитый белым мехом, приоткрывал корсаж, отделанный по вороту кружевом в три ряда, переливы розового шелка платья, по моде чуть укороченного спереди, и складки бархатной гранатовой юбки, отделанной понизу двойным серебряным галуном.

Одной рукой она придерживала складки юбки, чтобы не споткнуться на лестнице, а другая пряталась в белой меховой муфточке, висевшей на шее на серебряном шнурке.

Анжелика де Пейрак двигалась с такой непринужденной грацией, что Вильдавре прошептал:

- Не правда ли, она достойна спускаться по парадной версальской лестнице рядом с самим королем Франции?

- Говорят, спускалась... - отозвался Карлон.

- Да ну? Спускалась по версальской лестнице? С королем?

Интендант не ответил, только фыркнул с важным видом.

Вильдавре не отставал:

- Ах вот оно что! Вы о ней что-то знаете! Ну скажите! Ладно, предпочитаете молчать, но я все равно из вас вытяну...

Вдруг, вынырнув из тени на свет заходящего солнца, на леере появился силуэт какого-то зверька. В несколько прыжков зверек догнал компанию, спрыгнул на палубу у ног Анжелики и, внимательно на нее посмотрев, торжественно пошел впереди, распушив хвост.

- Кот! - ликующе вскрикнул Вильдавре. - Заметьте, даже животные присоединяются к свите графини де Пейрак и охотно ей подчиняются. Ах, видели бы вы ее в Голдсборо с медведем!

- С каким еще медведем? - вздрогнул Карлон.

- С огромным, мохнатым и чрезвычайно свирепым зверем. А она, стоя перед ним на коленях, гладила его и нежно с ним разговаривала.

- Но вы рассказываете тревожные вещи! Раньше вы никогда не говорили, что мадам де Пейрак наделена таким могуществом.

– Это было незабываемое зрелище.

– Это может означать, что она владеет магией.

– Да что вы! Это говорит всего лишь о ее личном обаянии... Разве вы не чувствуете, насколько это захватывающе?

– И да и нет. Я полагаю, мы находимся в руках человека, который занимается пиратством, и можем считать себя его пленниками. И похвастаться нам нечем.

– Да нет же! Что у вас за привычка видеть все в мрачном свете! Мы просто гости господина де Пейрака, любителя приключений, гасконца по происхождению и, кроме того, самого богатого человека в Северной Америке. Он помог нам в Акадии в нашей инспекционной поездке и любезно предложил доставить нас на своем судне в Квебек, где он собирается нанести визит вежливости губернатору Новой Франции, господину де Фронтенаку.

– А вы сами? Отчего вы всегда видите жизнь в розовом свете? – съязвил Карлой.

– Я счастливый человек. Что есть, то есть. Я в любом событии вижу приятную сторону, а что может быть приятнее для мужчины с моей восприимчивостью, чем оказаться на корабле в хорошей компании – даже с вами, да-да, даже с вами, и не протестуйте, пожалуйста! – и иметь возможность беседовать с самой прелестной в мире женщиной? Я осваиваю корабль, который граф де Пейрак подарил мне взамен моего «Асмодея», затопленного бандитами. Смотрите, вот он, стоит на якоре, такой красивый! Даже не знаю, как его назвать... Я везу торговые грузы: много мехов, фьяски с ямайским ромом в большом количестве... изразцы для печки... тсс... просто чудо! Господин де Пейрак заказал для меня во Франции. Взгляните.

– Взгляните, посмотрите... Только это и повторяете. Вы мне, в конце концов, надоели... Ну ладно, я смотрю... И вижу, что ситуация становится все более двусмысленной и запутанной и в перспективе у нас куча неприятностей. А учитывая, что мадам и господин де Пейрак – люди особой породы и олицетворяют собой, как вы изволили выразиться, Любовь и все ее радости, то в Квебеке нас ожидает серьезная шумиха. И чему тут радоваться? Для начала произойдет обмен пушечными выстрелами, даю руку на отсечение. А потом, если

удастся ноги унести, таких, как мы, в силу понятных обстоятельств, ждет порицание, несчастья, а не исключено, что и отлучение. Вы ведь знаете, что епископ, его преосвященство Лаваль, и иезуиты не шутят с вопросами колдовства и распущенности, и сомневаюсь, что они примут эту компанию с улыбкой.

- Что-то вы очень разошлись, друг мой! Вы преувеличиваете! Конечно, не обойдется без жестов, криков, слез и скрежета зубовного. Но признаюсь, я все это обожаю...

- Уж конечно! Это всем известно! Тут я, пожалуй, соглашусь с мадам де Пейрак, когда она утверждает, что ничто вас так не развлечет, как перевернуть весь город вверх тормашками.

- Она так сказала? Абсолютно справедливо. Ну разве она не прелесть?

- Как бы там ни было, а спорить с вами бесполезно, потому что вы влюблены.

- Да вовсе я не влюблен... или так, чуть-чуть... Нет, вы решительно ничего не поняли, ничего... Вы меня с толку сбили... Не буду больше с вами разговаривать.

И маркиз де Вильдавре отвернулся, недовольно надувшись.

Поравнявшись с ними, Анжелика де Пейрак и ее свита обнаружили обоих в мрачном расположении духа.

После очередного дня плавания флотилия снова бросила якорь в одном из пустынных заливов реки Святого Лаврентия. По обычаю, капитаны всех кораблей явились на «Голдсборо» к общей трапезе, в ходе которой обсудили события прошедшего дня и наметили планы на следующий.

- Мы скоро будем в Тадуссаке.

- Первое французское поселение!

- Надеемся, что нам там окажут не слишком скверный прием!

– Да с чего бы вдруг? Это всего лишь небольшое уединенное местечко, без серьезной охраны. Сила на нашей стороне. Да и к тому же намерения наши вполне миролюбивы.

Флот и вправду был в отличной форме и состоял из трех кораблей водоизмещением от двухсот до трехсот пятидесяти тонн: суда небольшие, однако вооруженные шестьюдесятью пушками. На якорь встали под прикрытием мыса, который защищал от любых неожиданностей. Две маленькие яхты голландской работы выполняли роль разведчиков и одновременно сторожевых собак. Они были сконструированы таким образом, что у каждой в трюме умещалось две пушки, а на палубе спереди и сзади располагалось по пищали, которые вполне могли нанести серьезный ущерб, если умело прицелиться.

Одна из яхт называлась «Ларошелец», другая «Пустынная гора». «Ларошельцем» командовал Кантор, младший сын Анжелики и Жоффрея де Пейрака, который, несмотря на свои шестнадцать лет, был уже искушенным морским офицером. Морскую науку он постигал в Средиземноморье, где плавал с отцом с десяти лет, и в Карибском море.

«Пустынная гора» ходила под командованием Ванно, опытного корсара, служившего пирату по прозвищу Золотая Борода. Из всех старых соратников граф де Пейрак выбрал именно его, поскольку тот имел прекрасную репутацию, не был ни за что осужден во Франции и к тому же был католиком.

Вопрос религии вынуждал строго подходить к составу экипажа и назначению старших офицеров. Вербовать для плавания в Новую Францию офицеров-протестантов было невозможно. Их бы в лучшем случае арестовали как предателей, а в худшем – повесили. Включать в команду иностранцев было тоже рискованно. Но граф де Пейрак ходил под собственным флагом как частное, независимое лицо, и его экипаж, где бы он ни был набран, должен быть принят не хуже самого графа.

Однако, несмотря ни на что, ему и здесь пришлось выбирать. Командиром «Голдсборо» остался норвежец Эриксон, человек молчаливый и осторожный, умевший не привлекать к себе внимания. Жоффрей де Пейрак оставил ему четверых испанцев личной охраны, за долгие годы службы снискавших его особое доверие. Лишись они сейчас этих обязанностей, им просто некуда будет

себя деть.

Испанцы тоже были немногословны, жили замкнуто и не общались с французским населением, как не общались с матросами или переселенцами Пейрака.

Капитанами двух других кораблей были граф д'Юрвиль и шевалье де Барсампюи, французские аристократы из хороших семей, которые ничем не выделялись бы среди квебекской знати при условии, что никто не станет копаться в их прошлом и выискивать причины, по которым они покинули Францию и отправились бороздить моря.

Подойдя, Анжелика сразу заметила огорченную физиономию Вильдавре и угрюмую и насупленную – интенданта Карлона. Ага! Похоже, приятели повздорили... Она еще издали видела, как маркиз размахивал руками, а потом отвернулся и топнул ногой.

Бедняга маркиз, он ведь так любит повторять, что «жизнь прекрасна»!

Анжелика никогда не оставалась равнодушной к чужим неприятностям.

Почувствовав в пронизательном взгляде прекрасных глаз интерес к своей персоне, Вильдавре сразу успокоился. Он любил, когда о нем тревожились и пеклись о его душевном состоянии. Приближение Анжелики наполнило его сердце радостью.

– Что случилось, мой дорогой друг? – спросила она. – У вас, как видно, неприятности?

– Ах! Да, можно так сказать, – простонал Вильдавре. – Уже само существование таких вот субъектов, с которыми совершенно не хочется общаться, доказывает, что бы там ни говорили теологи, что чистилище начинается прямо здесь, на земле.

– Вы говорите о господине Карлоне?

– Ну а о ком же, по-вашему?

– Садитесь-ка вот тут, рядышком, и расскажите мне все.

Он опустился рядом с ней в кресло, обложенное подушками.

Внимательно выслушивая его жалобы, Анжелика оглядывалась вокруг.

Стоял прекрасный вечер. После двух дней проливного дождя воздух очистился, и дышалось с удовольствием.

После стоянки в Сент-Круа-де-Мерси путешествие продолжилось, и никто из участников трагических событий той ночи ни словом не обмолвился о том, что им пришлось пережить.

Временами Анжелика спрашивала себя, уж не приснилось ли ей все это. Самым существенным в тех тайных событиях была еле уловимая перемена в ее отношениях с мужем. Он словно начал смотреть на нее другими глазами, с любопытством и восхищением, и теперь гораздо больше ей доверял и гораздо выше ее ценил.

Он охотнее посвящал ее в свои планы, чаще спрашивал ее мнение. Перед тем как бросить якорь в Квебеке, во владениях короля в Новой Франции, надо было обсудить много вопросов и просчитать много вариантов их решения.

Пока еще Квебек воспринимался далекой целью. Им казалось, что они отделены от мира, особенно когда река приносила ароматы моря и они смешивались в ледяном воздухе с восхитительными запахами сладостей и печенья или с экзотическим ароматом кофе в медных кувшинах, шоколада и чая, который уговаривал отведать новый метрдотель, господин Тиссо, объясняя при этом, что в Париже чай – последний крик моды.

Этого человека Эриксон нанял во время своего последнего путешествия в Европу по рекомендации одного из руанских компаньонов графа де Пейрака. Он прекрасно знал свое дело, и его таланты намного превосходили способности обыкновенного повара. Сейчас он, тепло укутанный, с торжественным видом присматривал за маленьким серебряным чайником, поставленным на краешек жаровни.

– Это самое ограниченное существо из всех, кого я знаю, – продолжал Вильдавре, отправляя в рот фисташку.

– Вы по-прежнему имеете в виду интенданта Новой Франции?

– Ну конечно!

– Я не разделяю вашего мнения по этому поводу, маркиз. У господина Карлона может быть дурное настроение, но он человек весьма сведущий, и с ним интересно поговорить. Мой муж очень любит с ним беседовать, в особенности о вопросах коммерции, в которых он очень компетентен.

– И я! И я тоже! – запротестовал Вильдавре. – Разве я не столь же компетентен в вопросах коммерции?

– Ну конечно и вы тоже.

– И разве я не сведущий человек?

– Да, один из самых сведущих людей, которых я знаю... и один из самых приятных.

– Вы очаровательны, – прошептал маркиз, преданно целуя ей руку. – Как же мне не терпится скорее пригласить вас к себе. Вот увидите, – продолжал он, оседлав своего конька, – как нам хорошо будет сидеть в моей маленькой гостиной в Квебеке, перед изразцовой печкой... а снаружи будет бушевать непогода. Я угощу вас чашечкой китайского чая. Отец Мобёж дал мне несколько запечатанных пакетов, которые ему прислали прямо из Китая... Вы устроитесь в моем лучшем кресле, очень удобном, в стиле буль. Знаете, я его заказал одному мебельщику, а потом назову в вашу честь... А шелк на подушках лионской вышивки... Вот увидите... Вам будет так удобно, и вы расскажете мне всю, всю свою жизнь.

Вот уж решительно, во всей истории с поездкой в Квебек самым сложным будет не заставить себя принять, а провести всю зиму в тесном общении с весьма любопытным маркизом и не рассказать ему и вправду всю свою жизнь в малейших деталях.

Он уверен, что теперь уж ей точно не отвертеться...

Ладно, посмотрим. До Квебека надо еще добраться.

Несмотря на оптимизм Жоффрея, который не желал считать покушение на себя заранее спланированным и не верил в интриги губернатора Фронтенака, не подлежало сомнению, что их ожидают весьма могущественные враги, хотя вовсе не обязательно, что эти враги одержат победу.

– А что за человек был маркиз де Варанж? – необдуманно спросила Анжелика у Вильдавре.

Тот поморщился:

– Варанж? Вы что-то о нем слышали?

– Ну, можно сказать...

– А почему «был»? Насколько мне известно, он не умирал.

Анжелика прикусила язык и тут же себя выругала. С тех пор как она оказалась во французских водах, у нее в мозгу словно произошел какой-то сдвиг, и она перестала верно оценивать ситуацию. Ей все казалось, что она дома, во Франции, а на самом деле все было совсем наоборот. Чтобы исправить оплошность, она принялась бессовестно врать:

– Кто-то мне сказал, даже не помню кто... А! Может быть, Амбруазина де Модрибур на восточном берегу. По-моему, она сказала, что его отозвали во Францию.

– Не может быть, я не в курсе! – возмущенно заметил Вильдавре и на минуту задумался. – Ну, в любом случае вполне возможно, что наша милейшая герцогиня состояла с ним в переписке или в других отношениях, это в ее стиле. Старый зануда, которого перевели в колониальную администрацию за аморальные проступки. В Квебеке у него незначительная должность управляющего финансами в департаменте, но я с ним не общаюсь... Вот дрянь, она здесь все про всех знала еще до того, как сюда приехала. Ну чертовка!

Теперь я вдвойне стану остерегаться Варанжа...

Чтобы сменить тему разговора, Анжелика жестом подозвала Куасси-Ба.

– Да, я бы охотно чего-нибудь выпил, – сказал Вильдавре, – я много говорил, да все без толку... этому недоумку Карлону. Я ему говорил о вас такие дивные вещи... как-нибудь вам их повторю. И это должно было его взволновать, раскрыть ему глаза. А он в ответ упрямо приводил мне доводы логики, которая не желает видеть дальше того, что лежит на поверхности.

Черный гигант Куасси-Ба склонился перед ними с медным подносом, на котором дымились чашечки горячего кофе по-турецки.

Куасси-Ба был сама преданность. Вот кто провел рядом с четой де Пейрак всю жизнь и мог бы порассказать о прошлом графа и графини все, что так хотелось услышать Вильдавре! С того самого дня, как он, невольник графа в Тулузе, впервые увидел его супругу в карете, в золотом подвенечном платье, до ночной тьмы на реке Святого Лаврентия, когда он смог еще раз в восхищении склониться перед этой женщиной, жизнь его тесно переплеталась с их жизнью.

Сегодня он прислуживал высокородному собранию в ливрее с золотым шитьем, прекрасно утепленной, чтобы не замерзнуть. На нем были белые чулки с золотой отделкой и башмаки с пряжками на очень высоком каблуке. На седой голове красовался алый шелковый тюрбан с султаном, который одновременно грел его и выгодно оттенял черное лицо. В ушах красовались кольца из чистого золота с жемчужными подвесками: совсем недавно граф преподнес их верному слуге в подарок.

Вильдавре с завистью разглядывал великана-негра, отметив для себя, с каким благородством он двигается и как прекрасно знает свое дело.

– Ваш мавр будет пользоваться успехом в Квебеке... И как это я раньше не додумался завести себе такого...

И он недовольно прищелкнул языком. В этой дыре, в Квебеке, он совсем утратил чувство моды... У его приятельницы, герцогини де Понтарвиль, обитавшей в предместье Сен-Жермен, было два юных пажа из Судана. Если он попросит, она, конечно, пришлет ему одного, но сейчас уже поздно отправлять курьера в

Европу, надо дожидаться весны.

Господин де Вовенар осведомился:

– Отчего это, господин де Пейрак, вы так поздно вошли в русло реки? Погода к нам милостива, но еще немного, и мы рискуем встретиться со льдами.

– Лучше встретиться со льдами, чем с чужими кораблями!

Услышав это, Карлон бросил на графа полный горечи взгляд:

– Похоже, вы прекрасно осведомлены о проблемах Новой Франции. Действительно, к концу октября все суда ушли обратно в Европу, и вам вряд ли грозит встреча с серьезным кораблем, готовым дать сражение. У Новой Франции нет флота, и об этом я много спорил с господином Кольбером. Но если Квебек закроет перед вами двери, сможете ли вы вернуться обратно и не окажетесь ли жертвой собственных просчетов?

– А с чего вы решили, что Квебек закроет перед ними двери? – ринулся в бой Вильдавре, ни за что не желавший испортить себе настроение. – Хотел бы я на это посмотреть. Все люди моего круга выйдут на набережную и поприветствуют нас серенадами... Именно так все и произойдет... Вот, возьмите это пирожное...

Он так разволновался, что Анжелика начала опасаться за судьбу чашечки кофе, которую держала в руках, однако пыл, с которым маркиз ринулся на их защиту, ее порадовал.

Слава богу, платье она не запачкала. Маленькая медная пиала с кофе была надежно закреплена в фарфоровом подстаканнике, который позволял держать ее тремя пальцами, не обжигаясь. Она отпила несколько глотков.

Путешествие по реке было передышкой. Уже сам факт, что они продвигались без затруднений, настораживал. И не надо было забывать, что за островом Антикости они станут подниматься по реке Святого Лаврентия, оказавшись уже на территории Канады. Для тех, кто отваживается смотреть в глаза реальности, все представится как во вчерашнем кошмаре Анжелики: это вражеская территория. Однако, несмотря ни на что, они находились среди друзей.

Река была пустынна. Но порой из потоков дождя выныривала то флотилия индейских каноэ, то рыбацьи лодки, показывались колонисты-одиночки или затерянные в лесах хутора фермеров, которые не считали для себя зазорным полюбопытствовать, что это за неизвестный флот идет на всех парусах в Квебек под незнакомыми штандартами.

В начале ноября растаяли в тумане очертания мыса Гаспе, над которым с криками кружили стаи птиц. Позади остались островки, где обитали лавраки, утки и нырки. Чтобы избежать штормов, внезапно налетавших на реке, чьи соленые воды уходили вглубь материка более чем на пятьсот километров, приходилось лавировать от берега к берегу.

Пока они пересекали залив Святого Лаврентия, направляясь к северным берегам Акадии, погода стояла ясная. Но едва они миновали мыс Гаспе, как погода испортилась. Очертания кораблей тонули в густой мгле, и приходилось прибегать к помощи туманных горнов. В пелене тумана любое появление на горизонте живописного леса во всей прелести осенних красок воспринималось как заря.

На реке стало гораздо теплее, чем на открытой воде залива, и путешественники охотнее выходили на палубу.

К капитанам кораблей – Ролану д'Юрвилю, Эриксону, Ванно, Кантору и Барсампюи, – явившимся для рапорта на «Голдсборо», присоединились королевские служащие, которых Жоффрей де Пейрак подобрал во Французском заливе возле восточного берега Акадии. После атак англичан и прочих неприятностей они лишились своих судов. Кроме них, с флотилией де Пейрака плыли акадийские землевладельцы де Вовенар, Гранбуа и Гран-Ривьер. Они воспользовались оказией выехать из своих отдаленных владений и напомнить о себе господину де Фронтенаку, губернатору французского короля, у которого они хочешь не хочешь, а находились в подчинении.

– Ну вот, вы ее расстроили, – заметил интенданту Вильдавре. – Полюбуйтесь, что вы натворили...

– Весьма огорчен, мадам, – запротестовал Карлой.

– С вашими пустыми рассуждениями...

– Да нет, господин интендант вправе высказывать свои пессимистические замечания, – парировала Анжелика.

Канадским французам Жоффрея де Пейрака обрисовали как сторонника англичан, проникшего на территорию Кеннебека с единственной целью – держать под угрозой французские земли в Канаде и Акадии. Для других он был пиратом, не менее опасным и безжалостным, чем Морган. О нем рассказывали кучу небылиц, и в конце концов он правильно рассудил, что лучшим способом отрезвить горячие головы будет откровенный разговор лицом к лицу. Потому он и отважился отправиться в Квебек. Надо было дать возможность населению с собой познакомиться.

Можно было побиться об заклад: присутствие у него на борту интенданта, оказавшегося там случайно, еще больше запутывало ситуацию.

– Я знаю, что не дает вам покоя, господин интендант, – снова заговорила Анжелика, – и почему вы время от времени спорите с господином де Вильдавре, которому не нравится видеть все в мрачном свете.

– Этот Карлон – ужасно желчный тип. Он все время боится, что, когда мы прибудем в Квебек, что-нибудь случится.

– Мы все этого боимся, – заметила она.

– Все, кроме него, бьюсь об заклад...

Вильдавре кивнул в сторону графа де Пейрака, на которого намеки Карлона, казалось, не производили ни малейшего впечатления.

Анжелика покачала головой:

– Он!.. А его всегда любые беды только раззадоривали.

Жоффрей обсуждал с Вовенаром и геометром Фальером ледовую обстановку на реке Святого Лаврентия в зимнее время. Он отставил чашку с кофе, и Куасси-Ба,

держа в одной руке щипцы с горячим углем, другой протянул ему палочку из скрученных листьев табака. Граф любил курить именно такие палочки. Прикурив от раскаленного угля, он с видимым удовольствием сделал несколько затяжек голубоватым ароматным дымком.

«Совсем как в Тулузе», – подумала Анжелика.

И это воспоминание ее утешило. Все, казалось, оживало и рождалось заново.

Зачастую восторженное возбуждение, когда все препятствия казались пустяками, сменялось у нее дурными предчувствиями, связанными с прошлым, от которых ей было не избавиться. Тогда она смотрела на Жоффрея.

Это сразу придавало ей сил и уверенности, что все будет хорошо и бояться нечего.

Привлеченные ее взглядом, темные глаза графа повернулись к ней, и сквозь прозрачную пелену дыма она уловила огонек нежности. Он помахал ей рукой, словно давая понять, что опасности нет, и это еще раз рассеяло страх. Чего ей бояться, когда он рядом? В прошлом году в это же время они оба блуждали по лесам Нового Света, подвергаясь все новым опасностям. Они вместе противостояли враждебности канадцев, мстительности ирокезов, убийственным зимним холодам и голоду. А нынче сила на их стороне, у них хорошо вооруженные, удобные корабли, нагруженные товарами, и, для обеспечения тылов в Северной Америке, повсюду свои люди и предприятия, преданные политике графа де Пейрака. Ну разве это не чудо? Разве это не говорит о том, что у него талант волшебника? У него никогда и ничто не шло так, как кто-то предсказал, напоролил им обоим. Он был и остался непревзойденным дуэлянтом, мастером секретных ударов и неожиданных выпадов.

За этот год они сто раз могли погибнуть.

Им сулили поражение, их якобы видели мертвыми, их полагали поверженными навсегда.

А они победно движутся к Квебеку.

Глава V

Беседа быстро закончилась, прерванная детскими голосами, смехом и топотом ног по палубе.

Анжелика увидела свою младшую дочку Онорину в сопровождении ее приятеля Керубино. Оба гонялись за котом, который, едва они приближались, увертывался, словно насмехаясь над ними совсем по-человечески. Он перепрыгнул с бухты канатов на перила, потом на спасательную шлюпку, закрепленную посередине палубы, и там спрятался как раз в тот момент, когда дети были уверены, что вот-вот его схватят. Малыши радостно вопили и, запыхавшись, вихрем кружили по палубе.

- Ты нас до смерти загоняешь! - кричала коту Онорина.

Керубино был пухленький, гораздо ниже ростом, чем его бойкая подружка, хотя им обоим сравнялось по четыре года.

Несколько двусмысленное положение внебрачного сына маркиза Вильдавре на данный момент несколько не беспокоило мальчика. Прежде всего он был сыном Большой Марселины, знаменитой первопоселенки с южного берега Французского залива, румяной уроженки Акадии, добрейшей души и храброй, как все королевское войско, вместе взятое. Ей не было равных в искусстве на лету вскрывать ракушки.

Она отпустила Керубино, последнего в ее многочисленном выводке, народившемся от эпизодических папаш, только потому, что Анжелика брала его под свою опеку, да еще потому, что ее старшая, двадцатилетняя дочь Йоланда тоже отправилась в путешествие. Намерения маркиза воспитать мальчика как принца вовсе не вскружили Марселине голову. Ладно! Пусть малец едет в Квебек на зиму, а там видно будет.

Вообще говоря, Йоланда не отставала от детей ни на шаг. Еще в их компании постоянно находились солдат Адемар и маленький швед, сирота Нильс Эббиэл. Нильса подобрал в Нью-Йорке на набережной иезуит Луи-Поль Вернон. Вся эта детская ватага, включая кота, направлялась в Квебек. Для судеб маленьких путешественников, которых собрали под свое крыло Анжелика и Жоффрей, эта

поездка много значила.

Йоланда впервые в жизни увидит, как живет настоящий город, с кафедральным собором, с церквями и замком. Раньше она знала только торговые палатки, деревянные форты да убогие часовни миссионеров на берегу моря или на опушке леса.

Адемара могли арестовать как дезертира.

Что же до Керубино, то маркиз прикидывал, какую реакцию вызовет в добропорядочном Квебеке его появление. Он вовсе не был склонен открыто всем его представить. В городе и без того скандалов хватало, они просто витали в воздухе. Нет, он рассчитывал со временем, не торопясь, открыть согражданам причину своего явного сходства с мальчиком. А пока он с нежностью поглядывал на своего отпрыска и строил планы. Когда-нибудь Керубино станет придворным пажом короля. Неприятно было то, что в этом случае маркизу пришлось бы вернуться во Францию. Однако куда торопиться?

В общем, для большинства пассажиров на борту корабля «жизнь была прекрасна»... и путешествие – просто идиллическим.

Завидев Анжелику, кот тотчас направился к ней. Чувствовалось, с какой любовью зверек на нее смотрел. В начале лета она приютила в Голдсборо бездомного котенка, и с тех пор кот делил с ней все приключения.

Увидев, что кот идет к Анжелике, Онорина тоже бросилась к ней и ревниво обняла за шею.

Она мрачно взглянула на кота, который устроился у матери на коленях.

– Ему у вас явно больше нравится, – заметила она с сожалением.

Встретившись с родителями после разлуки, девочка подчеркнуто называла их на «вы», то ли из чисто детского упрямства, то ли от обиды, что ее оставляли на какое-то время в Вапассу.

– Ты так думаешь? А мне кажется, что ему веселее с тобой, чем со мной. Но он помнит, что я его выходила. Он благодарный, как человек.

Анжелика рассказала дочери о маленьком раненом котенке, но не сказала, кто его ранил. Потому она и поручила его заботам детей Берна. И прибавила, что котенка привезли ей, когда он поправился. Она очень по нему скучала. И потом, кот на корабле тоже полезен, как и в доме.

Онорина слушала, не спуская с соперника прищуренных глаз и ласково прижимаясь своей щечкой к щеке матери. Анжелика ее нежно поцеловала и вгляделась в упрямую мордашку, обрамленную медно-рыжими волосами. Дочь была красавица, и она с гордостью погладила ее по голове. В повадке девочки было что-то царственное. Длинная, крепкая и горделивая шея, кожа не красноватая, как у всех рыжих, а золотистая, как у матери. На круглом, четкой лепки личике только небольшие темные глаза, казалось, не выделялись особой красотой. Но их отважный и глубокий взгляд поражал собеседника не по-детски холодным и пронизательным вниманием. Это, несомненно, была личность.

«Как же тебя-то примут в Квебеке? – спрашивала себя Анжелика. – Ты ведь француженка, ты родилась в самом сердце Пуату, и тебя принимала Мелюзина, самая что ни на есть лесная колдунья».

Она тряхнула головой, словно желая отогнать невероятное воспоминание. Однако воспоминание было не таким уж далеким. Но сколько же с той поры всего произошло и как все изменилось!

– Тебе что, не нравится пирожное? – спросила Онорина, которая с интересом за ней наблюдала.

Анжелика заметила, что машинально взяла с блюда сахарное пирожное, слегка его надкусила и теперь держит в руке, будто сомневаясь. По привычке, полностью погрузившись в свои мысли, она сделала вид, что вслушивается в разговор соседей.

Кот ожидал своей доли пирожного, Онорина тоже.

На корабле все было спокойно. Ночь раскинула над ними черное крыло. Фигуры людей превратились в неясные силуэты, и из полумрака выступали только лица

и кружевные шейные платки. Ярче засветились красные огоньки углей в жаровнях.

Тихо подошел рулевой, и его силуэт слился с силуэтом де Пейрака.

Было слышно, как он прошептал:

– За нами следует какой-то корабль.

Глава VI

В заливе Шалёр они взяли на борт лоцмана, которого на восточный берег Акадии забросили семейные и другие неотложные дела и который хотел добраться до Канады и при этом заработать несколько экю. Он предлагал свои услуги проходящим судам и хорошо знал и реку Святого Лаврентия с ее течениями, и все опасности, которые могут подстергать путников при прохождении островов. Многие акадийцы, бывшие на борту, вызвались быть гарантами его лояльности и квалификации. Жоффрей де Пейрак заплатил лоцману кругленькую сумму ради уверенности, что тот не подведет. Теперь Эспри Ганемон – так звали лоцмана – был заинтересован в том, чтобы флот, который ему доверили, беспрепятственно дошел до Квебека.

Это он вполголоса предупредил Пейрака:

– За нами следует какой-то корабль.

Анжелика, которая услышала эту фразу, вскочила и инстинктивно прижала к себе Онорину и Керубино. Увидев, что она встала, все гости из вежливости тоже поднялись, но они ничего не слышали, а потому все взгляды обратились на Пейрака.

Тот воспринял новость без всяких эмоций.

Теперь все стояли, и граф тоже встал, продолжая, однако, курить сигару.

Стемнело, матросы подвешивали фонари к леерам, с реки тянуло холодом и сыростью. Настало время расставаться.

Медленно и с видимым удовольствием граф последний раз затянулся голубоватым дымом и опустил раскаленный конец остатка сигары в маленькую серебряную чашу с водой.

– Что случилось? – спросил Вильдавре.

Граф повторил:

– За нами следует какой-то корабль.

Головы пассажиров машинально повернулись в сторону ночной тьмы за кормой.

– Вы хотите сказать, что какое-то судно поднимается вверх по реке вслед за нами? – вскричал д'Юрвиль. Потом пожал плечами. – В это время года? Не может быть! Это чистое безумство!

– А может, король послал военный корабль в помощь Квебеку? – раздался чей-то голос.

Пейрак улыбнулся:

– Что за опасность грозит Квебеку? И кто мог прознать о том, что я собираюсь в Квебек осенью?

– Бывают мысли, которые быстрее кораблей и которые способны влиять на умы на расстоянии.

Граф помотал головой:

– Мне не хотелось бы примешивать сюда колдовство. Король Франции не из тех, кто управляет королевством с помощью магических заклинаний, и уж точно не позволит никому влиять на себя. В любом случае, как вы только что изволили заметить, мне кажется, что король приложит все усилия, чтобы его судно пришло в Квебек раньше, чем станет река, и... раньше нас.

– Вы не верите в колдовство, господин де Пейрак?

– Я этого не говорил.

Пейрак наклонился, чтобы разглядеть, кто это спросил. Может, Фальер, может, кто-нибудь из акадийцев, Вовенар или Сент-Обен. Подошел Эриксон:

– Есть ли у вас для меня какие-либо распоряжения, монсеньор, в отношении этого судна?

– Пока нет. Мы стоим на якоре, и лучше всего нам так и оставаться до рассвета. К тому же не подлежит сомнению, что неизвестный корабль, как и мы, не может двигаться в темноте.

Лаврентийский лоцман сказал, что на самом деле судно, о котором может идти речь, сломалось где-то возле северного берега, не доходя до Крысиного мыса.

– Это очень далеко, – заметил Карлон, который задумался, завернувшись в плащ до самого носа. – А как вас смогли предупредить?

– Меня предупредили люди, которых я отправил на сушу сразу за мысом Гаспе и которые обеспечивают наши тылы на южном берегу. Они посылали курьера-индейца, который и принес известие.

– Может быть, какой-нибудь корабль шел из Акадии? – вставила Анжелика.

– Не думаю. Нас бы предупредили об этом, когда мы были в Тидмагуче. Кроме наших кораблей, я не вижу, кто из акадийцев рискнул бы плыть по реке Святого Лаврентия в это время года. Наши либо остались на восточном берегу, либо догнали «Голдсборо». Был еще «Бесстрашный» корсара Ваннерейка, но он отплывал на Карибы. Как вы думаете, господин де Вовенар, кто-нибудь рискнул бы? Ведь вы поднялись ко мне на борт, вместо того чтобы поставить на карту в этой аванюре свой сторожевой катер?

– Ясно, не стал бы рисковать, – пожал плечами Вовенар.

Ему было нечего волноваться. Он ехал в Квебек, чтобы добиться у Фронтенака освобождения от налогов и встретиться с дамой, на которой собирался жениться. Он обитал в лесу и понятия не имел о распрях владельца «Голдсборо» с Новой Францией. И не видел ничего дурного в том, чтобы воспользоваться случаем и проехаться в столицу на комфортабельном корабле в наилучших условиях.

– А может, это английское судно?

Тут надо было поразмыслить. Пейрак опять покачал головой:

– Еще раз нет. Кроме нашего приятеля, смельчака Фипса, который, как мне кажется, уже получил расчет за год и должен был уехать в Бостон, не запрашивая остатков, я не знаю ни одного англичанина из Новой Англии, кто в одиночку, на французской территории, отважился бы отплыть, зная, что рискует застрять во льдах... Нет, я считаю, что это какой-нибудь торговый корабль, вышедший из Гавра или Нанта с опозданием. А в пути его еще задержал сильный ветер. И вместо месяца он проплавал все четыре. Вот в чем все дело.

Не переставая говорить, он сделал несколько шагов и очутился совсем рядом с Анжеликой. Было очень темно, и она его не видела, но всем существом сразу поняла, что это он, узнала этот запах табака и палисандра, исходивший от его одежды. Она почувствовала, как ей на плечи легли его руки, и он прижал ее к себе, совсем как она прижимала к себе детей.

– И что вы думаете делать? – спросил Карлон.

– Я уже сказал. Ждать... Дождаться рассвета, ждать, пока этот корабль себя не обнаружит.

– А дальше?

– Дальше... Это зависит от его поведения. Если он атакует, будем сражаться. Если нет... Ладно! В любом случае я бы не стал гадать, пока не увижу, откуда он идет, сколько народу на борту и какую добычу мы обнаружим у него в трюмах.

– Но это пиратский жаргон! – вскричал интендант, задохнувшись от возмущения.

– А я и есть пират, – отозвался Жоффрей с пугающей сладостью в голосе, – по крайней мере, так говорят...

В темноте Анжелика различила улыбку у него на губах.

– А еще я колдун, – продолжал Жоффрей. – Колдун, которого живьем сожгли на Гревской площади в Париже семнадцать лет назад.

Наступила гробовая тишина. Вильдавре попытался все свести к шутке.

– Но вы-то живой! – хохотнул он.

– Ну, я же колдун, я сумел выпутаться... А теперь поговорим серьезно, господа. Король Франции – спасибо ему за это – отложил исполнение приговора. Граф де Пейрак де Моранс д'Ирристрию, тулузский вельможа, был сожжен заочно, но тем не менее он как бы исчез навсегда. Теперь он вернулся.

На сей раз молчание было долгим. О корабле позабыли.

– И... и король вас амнистировал? – наконец спросил интендант.

– И да и нет... Скорее, забыл меня. И вот одна из причин, по которой я нахожусь сейчас в его владениях. Я хочу ему напомнить о себе. Давно пора. Я достаточно скитался по свету из-за этого приговора.

Подошли матросы с зажженными трутом палочками в руках. То здесь, то там загорались факелы в резных кожаных рожках, и вот уже вся палуба озарилась ярким светом. И сразу стало видно, какое разное выражение застыло на каждом из лиц. Вильдавре торжествовал. Дело усложнялось и становилось все интереснее. Карлой был бледен как смерть. Авантюра, в которую он впутался, оказалась гораздо опаснее, чем он предполагал. Старые приятели де Пейрака, Эриксон и д'Юрвиль, не выказали никакого удивления, и все его неожиданные откровения их заинтересовали, но не более. От командира можно было ожидать чего угодно, они уже привыкли. Он никогда не действовал без разума и всегда имел заранее обдуманый план и ясную цель.

Те же, кто недавно служил под его началом, к примеру Барсампюи или Вайно, тоже выказали полное равнодушие. Они были авантюристами, людьми рискованными, и шли разными путями, но твердо знали, что у каждого есть своя тайна, и касается она только владельца, и только от него зависит, раскрыть ее или хранить до самой смерти.

Нынче вечером командир флотилии «Голдсборо» сделал свой выбор: он рассказал. Что ж, его дело.

Анжелика была изумлена и встревожена. Услышав, как муж ни с того ни с сего вдруг сделал такое ужасное заявление, она вздрогнула.

Несмотря на то что на них давили, несмотря на отчуждение и королевский остракизм, Жоффрей взял и крикнул: «Сир! Вот я, воскресший владетель Тулузы, которого вы когда-то приговорили, чтобы сломить его гордыню, бросившую тень на вашу!»

Ну разве такой вызов не безрассудство?

Интендант Карлон эхом отозвался на ее мысли:

– Вы решительно спятили! Такое признание! Перед всеми нами! Король Франции представляет колоссальную силу, а вы с ней не считаетесь и бравируете!

– Да в чем? Что я сказал такого, чего не знал бы его величество? Если я его и не предупредил, что собираюсь этой зимой в Квебек, я больше чем уверен, что он знает обо всем, что касается нас. Об этом говорят рапорты, адресованные ему, где упоминается мое пребывание в Мэне. Все три года, что я находился в Америке, я не скрывал своего настоящего имени: граф де Пейрак де Моранс д'Ирристру. Я дал ему время вспомнить своего когда-то приговоренного и изгнанного вассала и, быть может, по-иному на него взглянуть. Я ведь тоже сегодня представляю определенную силу. Король в зените славы. Он может пересмотреть ситуацию и отнестись к ней более снисходительно.

– Это не имеет значения! Какая наглость! – повторил Карлон.

– Не думаю, что это его обидит.

– Да вы игрок!

– А вы, господин интендант, не лукавите? Неужели вы ничего не слышали об этих событиях прошлого? Разве власти Квебека еще не в курсе? В рапорте, который должны были доставить господину де Фронтенаку, обо всем ясно сказано. Повторяю, с того дня, как я нахожусь в Новом Свете, я даже не пытался скрывать ни свое настоящее имя, ни титулы, и, связавшись с Парижем, было легко получить любые разъяснения по моему поводу. Я знаю, что это поручили отцу д'Оржевалю.

Интендант пожал плечами и так засопел, что будь рядом ветряные мельницы, они бы точно завертелись.

– Конечно, сплетни ходили, но что до меня, то, признаюсь, я им значения не придавал. Болтали даже, что ваша супруга – Акадийская дьяволица. Лично я считаю, что это смехотворно. В пересудах по вашему поводу и в обвинениях, что вас приговорили как колдуна, я видел только разгул воображения толпы. И мне тяжело выслушивать подтверждение тому из ваших уст.

– А разве у вас не было возможности самому прочесть рапорт, господин интендант?

– Нет, господин де Пейрак! Наш губернатор, господин де Фронтенак, держал его в секрете. И мне неизвестно, говорил ли он об этом господину Лавалю. И уж во всяком случае, иезуитам не говорил.

– Вот это замечательно! – радостно воскликнул Пейрак. – Меньшего я и не ожидал от «брата моей родины», и я предсказываю успех нашей будущей кампании, господа. Не волнуйтесь. Я плыву в Квебек, чтобы рассеять недоразумение. Не знаю, сколько лет мне придется провести на этой земле, но, сколько бы ни пришлось, я постараюсь, чтобы они привели к великому дню, к миру с соотечественниками, каждый из которых трудится на благо земли, где мы собираемся жить. Господа, вы с этим согласны?

– Конечно, – с горячностью отозвался Вильдавре. – Пират или колдун, или и то и другое, лично я принимаю во внимание только одно и честно в этом сознаюсь: вы самый богатый человек в Америке, и ясно, что поладить с вами нам выгодно. Не правда ли, мой дорогой интендант? Давайте еще выпьем за удачу нашего

предприятия, каково бы оно ни было. Вино великолепное. Чуть сладковато для мяса, но восхитительно со сладями. Оно ведь из Испании, мой милый граф-колдун?

– Точно так. Ваннерейк мне его привез из Нью-Мексико. Я ему заказал несколько бочонков французского: бургундского или бордо, но... Случая не представилось. В трюме только два бочонка, которые я зарезервировал для господина де Фронтенака. Я знаю, что он часто дает балы и что он жаловался на отсутствие французского вина. Он гурман.

– Мы все гурманы. Это чисто французский недостаток, и у вас на борту мы от него точно не излечимся. Давайте выпьем! Эй, Карлон, улыбнитесь! Жизнь прекрасна!

Куасси-Ба по кругу наполнил всем бокалы.

Глава VII

Онорина уютно устроилась в постели, уложив с собой кота и взяв коробку со своими сокровищами. В просторном твиндеке[1 - Твиндек — межпалубное пространство.], где когда-то плыли в Америку протестанты из Ла-Рошели, устроили что-то вроде детской, где обитали двое детей и дочь Марселины. Они спали по-королевски: на хороших матрасах и подушках, под меховыми одеялами. Занавеска, которую днем поднимали, отделяла их от помещения, где под присмотром Дельфины дю Розуа разместились «королевские дочери»[2 - Королевские дочери — девочки или девушки-сироты из дворянских семей, чьи родители умерли или погибли в бою. Девочек брал под свою протекцию лично король Франции. Они воспитывались в пансионе, откуда выходили сестрами милосердия или миссионерками. Группа таких миссионерок отплыла к берегам Новой Франции в 1663 г. В память об этом событии во Франции функционирует историческое общество «Королевские дочери», которое, помимо благотворительности, занимается еще историческими праздниками и реконструкциями на территории Франции и Канады.]. Трое священников, севших в Тидмагуче, – францисканцы де Вовенар и шевалье де Гран-Ривьер и ораторианец Кантен – располагались с другой стороны. Естественно, Адемар тут же присоседился с краю, а точнее, бросил в темный угол за батареей свой

жалкий узелок, который таскал с собой со времен кампании в Верхнем Кеннебеке, перебираясь то в Пор-Руаяль, то в Бостон, где он попал в плен к англичанам. Вконец измучившись с этим редким и неожиданным экземпляром бойца французской армии, его послали к дальним границам, что для такого персонажа было пределом мечтаний.

Пока что он учился играть на дудочке Керубино, не сводя глаз с Йоланды, которая расчесывала волосы, ей-же-ей, шикарные, просто днем она их прятала под объемистый белый чепец.

Королевские дочери, стоя на коленях, заканчивали вечернюю молитву и с набожным бормотанием перебирали четки.

Онорина раскладывала свои сокровища: ракушки, камешки, засушенные цветы, золотую погремушку, которую ей подарили, когда она была совсем маленькая, перстенок, подаренный Жоффреем в тот день, когда они впервые высадились в Америке... ну и так далее... и тихонько комментировала себе под нос:

– Я их покажу в Квебеке, но только тем, кто будет со мной добрым.

Надо полагать, пессимистические рассуждения интенданта пробудили в ней здравый смысл, хотя она и не подала виду, что их слышала. И она принялась строить планы:

– А всех остальных я поубиваю.

Анжелика спрятала улыбку. Онорина уже давно не делала таких решительных заявлений.

Путешествие в Квебек, атмосфера французского окружения, видимо, пробудили в ней воспоминания раннего детства, когда она находилась в Ла-Рошели и смутно чувствовала, что ее со всех сторон окружают опасности, которые она не в силах объяснить. В те времена она хватала палку и бросалась на любого, кто ее тревожил, с криком «Я тебя убью!». Однажды она собралась «убить» некоего Бомье, католика, который явился в дом к протестантам с явным намерением повздорить.

Пока она бережно складывала свои сокровища обратно в коробку, Анжелика поглаживала пальцем ее круглую щечку, а Онорина упрямо уворачивалась и встряхивала головой. Бывали моменты, когда проявления нежности мешали ее занятиям.

– У меня тоже была когда-то коробка с сокровищами, – доверительно произнесла Анжелика.

– Правда?

Онорина, похоже, заинтересовалась. Она положила свою коробку рядом с собой и залезла под одеяло, собираясь заснуть.

– А что там было?

– Я уже не помню всего... Там было... перо, да, гусиное перо одного парижского поэта, который писал песни, и еще нож, цыганский кинжал...

– А у меня ножа нету, – сказала Онорина, и глаза ее широко раскрылись. – Мне очень нужен нож. Господин д'Арребу мне обещал... а где твоя сокровищница?

– Не знаю.

У Онорины слипались глаза. Уже через силу она спросила:

– А где... тот поэт?

Поцеловав Онорину и Керубино, Анжелика собралась уже выйти из «детской».

Йоланда тихо спросила:

– Мадам, вам нужна какая-нибудь помощь в апартаментах? Я могла бы помочь вам раздеться. Мама наказала мне во всем вам помогать и говорила, что вы не откажетесь.

– У тебя достаточно хлопот с этими чертенятами.

– Это пустяки. Я привыкла возиться с детьми и к работе приучена. Я из кожи вон лезу тут, на корабле. А может, вы боитесь, что я не умею обращаться со всеми этими штучками знатных дам? Может, это и сложно, но я быстро справлюсь. Я не безрукая какая-нибудь, хотя и выгляжу простушкой.

– Да кто тебе это сказал? – рассмеялась Анжелика.

Ей нравилась эта отважная, крепко сбитая девушка, способная на слепую и очень действенную преданность. Она не так давно это доказала.

– Я знаю, что ты достойная дочь Марселины, правда, Адемар?

– Правда-правда, – с горячностью ответил солдат. – Она все умеет делать, как мать.

– Вот раковины открывать не умею, – запротестовала Йоланда, скромно зардевшись. – Что нет, то нет. У меня не получается так быстро, как у нее.

– Ну, так быстро ни у кого не получится.

– Я по ней скучаю, – созналась Йоланда, – но ничего не поделаешь. Она бы волновалась за вас, мадам, и за Керубино, если бы я не поехала с вами.

– Она замечательная подруга.

Анжелика была тронута, что в своих заботах Большая Марселина приравняла ее к Керубино.

– Я тоже по ней скучаю, – призналась она. – Но мы вернемся во Французский залив ближайшей весной с сознанием того, что сделали хорошее дело для Канады. Не волнуйся обо мне, Йоланда, я бы предпочла, чтобы ты оставалась с детьми, а не становилась горничной.

– А вы возьмите одну из моих девушек, – предложила Дельфина дю Розуа, – ну хоть Анриетту. Она, правда, строит из себя рафинированную барышню, но только потому, что была в услужении у одной аристократки и многому научилась. Она служила у мадам де Модрибур.

– Нет, нет! – с живостью отказалась Анжелика.

От одного имени мадам де Модрибур ее бросило в дрожь.

– Вы обе очень добры, но я прекрасно справляюсь сама. Вот придем в Квебек, тогда посмотрим. Йоланда, помоги мне расстегнуть только вот здесь, сверху на спине, а дальше я сама.

Стало совсем темно, и мальтиец Энрико Энци явился с фонарем, чтобы проводить ее через заставленную палубу.

«Ну меня тоже была коробочка с сокровищем, – рассеянно идя вслед за ним, вспомнила Анжелика. – Где же я ее оставила? Где потеряла?»

Она постаралась вспомнить, что туда положила. Немые свидетели событий, которые, как вехи, отмечали ее жизнь во Французском королевстве, и прежде всего при Дворе Чудес, на самом дне Парижа. Там лежало перо поэта, ее любовника-памфлетиста, которого потом повесили. А еще там был кинжал Родогона Цыгана... Длинный и острый кинжал, которым она заколола Принца нищих.

Она запахнула плащ. Неожиданно возник мелкий дождик, скорее туман, сквозь который металлическими отблесками просвечивала луна.

На полуюте Анжелика заметила Жоффрея, и сердце ее наполнила радость. Он отделился от сумрака, черный на фоне свинцовой ночи. Из-за тумана его фигура казалась необычно высокой. Он словно выслеживал кого-то, скользя взглядом вниз по течению реки. Думал ли он о неизвестном корабле? Предвидел ли сражение?

– А могут быть у судна, что идет за нами, воинственные намерения? – спросила она у Энрико. – Что об этом говорят?

Мальтиец покачал головой:

– Ничего... Господин граф считает, что этот корабль задержался в рейсе из-за поломки или из-за подводных течений. Надо ждать. Как бы там ни было, он

один, а у нас флотилия.

Он сделал круговое движение рукой, как бы очерчивая другие суда, невидимые в темноте, чье присутствие угадывалось по перекрикивающимся голосам и по проблескам огня и фонарей сквозь туман.

– Монсеньор удвоил охрану и приказал капитанам быть настороже всю ночь и смениться только к утру. Несколько человек сошли на берег и наблюдают за прибрежной полосой.

Пройдя две лестницы, ведущие на третью палубу, Анжелика и Энрико оказались перед дверью с резными створками, которая вела в центральный салон.

По обе стороны двери стояли две скульптуры из эбенового дерева, изображавшие мавров с глазами из белого агата. Скульптуры поддерживали золоченые резные торшеры с лампами из непрозрачного венецианского стекла, где бились огоньки множества защищенных от ветра восковых свечей. Свечи горели долго и светили ярко.

– Мадам графиня может отдыхать, ничего не боясь, – сказал Энрико, прощаясь на ночь. – Нам не впервой быть начеку из-за подозрительного корабля. Для нас выслеживать и защищаться – обычное дело.

Анжелика с улыбкой его поблагодарила.

– А ты, должно быть, рад снова выйти в море, а, Энрико? Тебе тут больше нравится, чем в лесном логове в Вапассу.

Мальтиец живо отозвался с чисто средиземноморской галантностью:

– Где бы я ни был, я счастлив, если могу находиться в компании монсеньора Рескатора и вас, мадам графиня.

– А ты горазд раздавать комплименты, Энрико. Ты нам доставишь немало хлопот в Квебеке с местными девицами...

Энрико Энци весело расхохотался и удалился, весьма довольный, унося с собой фонарь.

Уже почти войдя в салон, Анжелика заметила, что за ней наблюдают. Она машинально подняла голову и увидела, что к ней через балюстраду перегнулся Жоффрей. Луна вынырнула из-за облаков, и вокруг него засветилось серебристое сияние, но лица видно не было.

- Я услышал ваш смех, мадам. С кем это вы так галантно беседовали?

- С Энрико, вашим мальтийцем. Он меня успокоил и ободрил.

- А почему вас надо ободрять, сударыня?

- Этот корабль...

- Этот корабль в большой опасности. Вряд ли ему есть до нас дело. Ему бы на плаву остаться. - Он помолчал и прибавил: - Наоборот, в нужный момент мне будет дело до него.

Анжелика ничего не ответила, подняв к нему лицо и зябко придерживая плащ рукой. Нынче вечером он очень ее напугал, открыто заявив: «Я тот самый колдун, которого когда-то сожгли на Гревской площади».

Лучше бы все так и оставалось тайной. Анжелика боялась света, который прольется на этот темный период их жизни, когда все ее покинули и ей, чтобы выжить, пришлось опуститься на самое дно Парижа. И защиту она смогла найти только там, среди бандитов Двора Чудес. А Жоффрей исчез... изгнанный, убитый, покрытый позором. Воспоминания об этом времени были особенно остры. Воды реки Святого Лаврентия отдавали запахом костра и напоминали, что далекий король, когда-то приговоривший графа де Пейрака, и на эти дикие края наложил свою печать. Сейчас они готовились к поединку с его всемогуществом, и Жоффрей только что заявил, что решил, после стольких лет, встретить его с открытым забралом. Значит, предстоит решающая битва?

До нее снова долетел любимый голос Жоффрея, чуть приглушенный, но такой нежный и ласковый:

– Вы замерзнете, дорогая. Идите в каюту и согрейтесь. Я скоро вас догоню.

В кормовом салоне «Голдсборо» на массивном треножнике стояла жаровня, распространяя уютное тепло. Под приподнятым парчовым пологом алькова виднелось мягкое одеяло на простынях, отделанных кружевами и мехом.

Салон был полон красивых вещей. В свете корабельных сигнальных фонарей, проникавшем сквозь большие окна, поблескивала бронза и позолота мебели и корешки книг в шкафу палисандрового дерева.

Всякий раз, входя в салон, Анжелика испытывала чувство защищенности и благополучия.

Она бросила плащ на спинку кресла, подошла к алькову и принялась раздеваться. И тут же приуныла. Умницы Йоланда и Дельфина были правы. Снять эти новомодные пышные туалеты оказалось делом нелегким: надо было либо иметь не одну горничную, либо обладать гибкостью змеи, чтобы самой расстегнуть все крючки и застёжки, и терпением муравья, чтобы вынуть, не растеряв ни одной, все шпильки и булавки. Она сегодня устала к вечеру, а потому отступила перед этой затеей. Усевшись на край постели, Анжелика спустила подвязки с чулок из лионского шелка. Она знала, почему отказалась от помощи двух девушек, готовых помочь. А надо было соглашаться. Где это видано, чтобы знатная дама занималась своим туалетом без помощи хотя бы одной горничной? Во времена Отеля Веселой Науки у нее была Марго, а когда она стала мадам дю Плесси-Бельер и ездила ко двору, у нее, помимо Жавотты, которая потом вышла замуж за кондитера Давида Шайу, имелся целый рой девиц. Из-за их болтовни и нерасторопности она тратила уйму времени, но без них было не обойтись, если хочешь быть одетой по моде и затмить соперниц под версальскими люстрами. В Квебеке будет то же самое. Ей надо держать марку. Как жаль, что она не смогла взять с собой Эльвиру или мадам Жонас! С ними можно было не опасаться бестактности. Но обе они принадлежали к реформатской религии, и для них тоже – бедные отважные женщины могли стать дичью для властей и попасть на галеры – воздух Новой Франции был вреден.

Анжелика извернулась, и ей удалось расстегнуть на спине несколько крючков. Потом она вытащила все булавки из нагрудного пластрона, отделанного

жемчугом, справилась наконец с лифом, обшитым шелком, и высвободила грудь и руки. Со вздохом облегчения она, как и все женщины, только что снявшие корсет, принялась растирать тело. Надо снова привыкать к корсету. Но это пустяки. Она с радостью наденет любой сложный туалет, лишь бы это не было сопряжено с необходимостью прибегать к чужой помощи. Нынче утром одеться ей помогал Жоффрей. Но она не могла все время его просить, хотя у него получалось очень ловко. Необходимо кого-нибудь найти. Но для этого надо было преодолеть еще одну преграду: страх показать то, что никому нельзя было показывать. Она провела рукой по обнажившемуся нежному и теплому плечу и пальцами нащупала чуть ниже, возле лопатки, позорное клеймо – лилию, которую ей выжег каленым железом лионский палач.

Клеймо никуда не делось. Вот досада! Она не сможет больше носить декольтированные платья, вроде тех, в которых красовалась в Версале. Они полностью открывали спину, до самой заветной ямки, за которой начинался изгиб бедер и широкий раструб юбки. Король всегда провожал ее глазами...

В этом возвращении к прежней жизни, которая уже была за скобками, одна за другой возникали трудности. Хорошо ли Жоффрей взвесил все, что им сулило путешествие в Квебек, а по сути – во Францию, которая им была заказана?

Глава VIII

И в конце всего – Квебек.

Квебек, сверкающая жемчужина, скрытая в сердце Американского континента...

Для кого? Для чего?

Значение Квебека пока оставалось неясным.

Он был где-то там, во мраке американских лесов, и льды отделяли его от остального мира более семи месяцев в году.

Именно в этом месте своих размышлений Анжелика вдруг поняла, что ни за что на свете не откажется ехать.

Деваться некуда, они уже через все прошли. В них летели пушечные ядра, их в штыки встречало местное население, но они все равно приплывут в Квебек, и она проведет там зиму. Ей отчаянно хотелось туда попасть. «Только бы приплыть!» – тихонько, совсем по-детски молилась она. Провести зиму в настоящем французском городе, живом и горячем. Она пойдет на бал или на крестный ход. У нее появятся соседи, появятся друзья. Она их пригласит на чашечку кофе или шоколада. И конечно, они с Вильдавре посидят в уголке у печки. Они уже давно это запланировали. Она отправит Онорину к монахиням, чтобы те научили ее читать. И у нее самой появится время посмотреть новинки, привезенные из Франции. Все эти годы она понятия не имела, чем заняты высокие умы. Она подкупит себе каких-нибудь безделушек в лавочках или крупных магазинах, где все есть и где встречаются с хорошими знакомыми. Можно будет покататься на коньках по замерзшей реке, а в Рождество пойти послушать проповедь епископа в кафедральном соборе. А на Богоявление будет бал у губернатора и карнавал, где под прикрытием масок и карнавальных костюмов наверняка разыграются скандалы. Вильдавре обещал ввести ее в курс всех любовных интриг.

Возбужденная всеми этими видениями, Анжелика мысленно отреклась от всего, что произошло в Вапассу. Хватит с нее пустынных мест, страха и притаившейся за деревьями смерти.

Год тому назад, в форте Катарунк, только что взятом канадцами, Жоффрей сказал ей, крепко прижав к себе:

– Если мы выберемся живыми из всех ловушек, что нам расставили, я гарантирую, что мы будем сильнее, чем все враги, вместе взятые...

Так и случилось. Они выжили и стали сильнее всех врагов. Не прошло и года, как у них в изобилии появилось золото и серебро, вдоль рек встали почтовые станции, в горах заработали шахты, открылись порты со всеми богатствами Атлантики, завязались союзы с наиболее влиятельными индейскими племенами. А совсем недавно Жоффрей де Пейрак распространил свое влияние на восточный берег Акадии, выкупив все владения старика Николя Пари с их сереброносным каменистым песком и галькой, местами ловли жемчуга и трески – доходного рыбного промысла.

Но, вспоминая все, через что они прошли, Анжелика не могла сдержать дрожь. Жоффрей выразился точно: они действительно выжили.

Они сто раз могли погибнуть. От руки канадцев, от руки ирокезов, от зимних холодов. Форт Катарунк сгорел, и они остались одни на пустынной далекой территории.

Их преследовали болезни, неурожай, они голодали, пока как по волшебству к концу зимы не появились ирокезы вождя Уттаке и не привезли им фасоли из дальнего индейского селения, входившего в сферу союза пяти племен. В форте Вапассу еды к тому времени оставалось ровно на два дня.

При этих воспоминаниях у нее закружилась голова, как тогда от голода. Перед глазами встала прозрачная, с распухшими деснами Онорина, дремавшая прижавшись к ней. К ним вплотную подошла смерть, которая унесла жизни стольких первопоселенцев, вот так же оказавшихся в одиночестве, без всякой помощи.

Нет, еще раз она такого не вынесет. По крайней мере, не имея возможности хоть немного передохнуть.

Анжелика сказала себе, что у нее не будет больше сил выдержать эту нищету среди еще большей бедности, в которой они жили в Верхнем Кеннебеке.

Она не сможет больше обдирать себе руки, разжигая огонь, ломать ногти, вешая на крюк котелок, и надрывать спину, таская тюки, чтобы накормить, уберечь и помочь выжить во враждебной лесной чащобе ослабевшим от голода дорогим существам.

Пора было возвращаться к жизни, встряхнуться, начать танцевать, стать прежней Анжеликой, знатной дамой Франции, графиней де Пейрак, любимицей короля и заставить наконец признать себя Дамой Серебряного озера. Теперь это – ее новая легенда.

Пора было перестать бояться блуждающих теней и призраков прошлого. Они теснились вокруг, как тягучий туман, из которого выплывали давно забытые лица. «Анжелика!.. Анжелика!.. Где ты? Кем ты стала... ты, кого мы не можем

вырвать из своей памяти...» Там бродили и другие тени, неясные, безымянные, и с них надо было безошибочно сорвать маски. Эти призраки объединились, словно чтобы свидетельствовать, какое страстное возмущение вызывает красота и все необычное, непохожее и непонятное. Квебек, казалось, был избран обиталищем этих призраков, отсюда и противоречивые чувства, которые вызывал в ней город. То он казался манящим и сулящим перспективу праздников и удовольствий, то ей хотелось вообще отказаться от поездки: ей мерещились явные и тайные опасности. Но был ли у нее выбор в этой ситуации? Судьба гнала ее вперед, и за ее спиной уже захлопнулись челюсти огромной страны.

После Гаспе река стала столь же широкой, как море, в которое она впадает. Их бросало океанскими волнами, они лавировали под ветром, а горизонт заволокло туманом. Далекie берега терялись из виду, но разве меньшей западной было устье реки, куда с поднятыми парусами вошли все пять кораблей флотилии?

Обратной дороги не было: северная осень – безжалостный тюремщик, – с ее льдами, снегом и метелями, отрезала все пути к отступлению.

Надо было подниматься против течения, вглубь загадочной страны, по безлюдным просторам воды и далеких лесов, что темной гирляндой разворачивались над низкими тучами. А потом, когда уже совсем покажется, что заблудились, пропали в неизведанном краю, из темной, бесформенной массы диких лесов выплывет город... белокаменный город с серебристыми крышами, город, звенящий колоколами, динамичный, агрессивный, независимый: Французский Квебек.

Нежданная радость, чудо-остров, маленький Париж, уголок Версаля, словоохотливый, нетерпимый, элегантный, набожный, беззаботный, одинаково преданный молитве и искусству, роскоши и войне, мистике и покаянию, адюльтеру, политическим интригам и грандиозным авантюрам. Остров в океане, оазис в пустыне, цветок цивилизации в сердце примитивного варварства, прибежище и спасение от мрачных и неукротимых сил, объединившихся, чтобы погубить человека: холода, голода и враждебных дикарей.

К тому же разве отец Вернон, который исповедовал ее летом, не сказал ей: «Поезжайте в Квебек. Это я вам предписываю как покаяние: поезжайте в Квебек! Имейте мужество показаться в городе без страха и унижения. В конце концов, может быть, из этого и получится что-нибудь хорошее для Америки».

Отец Вернон умер – его убили. И в память о нем Анжелика чувствовала, что просто обязана выполнить предписанное им покаяние. Поехать в Квебек!

И какое значение имеет, есть у нее на плече лилия или нет. «Жизнь прекрасна...»

Зимой она отправится на бал, будет играть в карты, ужинать за полночь, а в солнечные дни гулять с Онориной по бастионам и вглядываться в далекие и дикие горы.

Глава IX

Он вошел и сразу понял, что она спит. Полумрак салона хранил запах женщины, которая стала ему родной. Вид разбросанной повсюду женской одежды заставил его улыбнуться. Где та строгая и отважная маленькая гугенотка из Ла-Рошели в одежде служанки, которую Рескатор, по дороге в Америку, привел в свою каюту в надежде приручить? Где первопоселенка, проведшая бок о бок с ним всю ужасную зиму в Верхнем Кеннебеке и помогавшая ему с безграничным мужеством? Он сложил кружева, поднял корсет, шелк которого хранил еще изгибы ее тела. Безымянная служанка, потом спутница завоевателя Нового Света, Анжелика наконец-то снова стала мадам де Пейрак, графиней Тулузской.

– Да хранит ее Господь! – прошептал он, бросив страстный взгляд на альков, где угадывалось сияние золотистых волос.

Она спала. Он подошел к бюро красного дерева и зажег ночник венецианского стекла. Потом тихонько приблизился к алькову и стал в изголовье, любуясь ею.

Она спала тем глубоким и спокойным сном, который приходил к ней, когда на ее долю выпадали сильные переживания или испытания, унесшие много сил. Он давно это заметил. Обычно она спала чутким сном женщины, чье сердце всегда настороже, и малейшее движение заставляет ее вздрогнуть и обернуться, чтобы подойти к ребенку.

Но как только все было позади и она могла сказать себе, что все в порядке, близкие вне опасности и сию секунду в ней нет надобности, она забивалась в какой-нибудь уголок и мгновенно засыпала, словно теряя сознание. Он часто наблюдал за ней в минуты этого странного отдыха. В прелести беспомощного женского тела, в красоте полностью отрешенного лица было что-то необыкновенно соблазнительное. Где она была? В какую даль ускользала, еще более непостижимая, чем когда-либо? На берегах этого далека она бродила одна... Она исчезала, укрывшись в неотъемлемом святилище души, которое каждый носит в себе, и он был уверен, что путь туда ему заказан.

В такие моменты его любовь к ней отдавалась болью.

Летом он снова едва ее не потерял, затем снова обрел, уже совсем другую.

Он никогда не забудет тот миг, когда увидел, как она бежит к нему по пляжу, протянув руки, смеясь и плача. Никогда не забудет выражения ее лица, когда она бросилась к нему и крепко обняла, бормоча несвязные слова любви. Она потом их не помнила, до такой степени они рвались из глубины сердца, где были похоронены все эти годы. Тогда она их кричала, она была готова умереть, если понадобится, только не вдали от него... только не вдали от него! И тогда его словно озарило: он вдруг понял, чем был для нее и какой любовью она его любила – любила всегда, несмотря на пятнадцатилетнюю разлуку. Ее порыв заполнил пустоту, что мучила его, когда он думал, что она безразлична к его памяти.

А потом? Как передать это ощущение выздоровления, обновления? Едва он урегулировал гнусную историю с Демоном Акадии, успокоил местных жителей и приготовился к отъезду, как они остались вдвоем, с глазу на глаз. Она его заинтриговала, за ее спокойной улыбкой и рассудительными словами угадывался совсем другой человек. Тогда она еще себя контролировала.

Но когда они покинули эти проклятые берега и отплыли в Квебек, эйфория победы ее преобразила. Своим безудержным весельем она очаровала всех. С французами, поднявшимися на борт, она острела, рассказывала забавные истории, смеялась. Можно было подумать, что флот Пейрака отправился не в военную экспедицию, а с любовным посольством по случаю царственного брака, призванного скрепить печатью вечный союз. Она задавала тон, и кончилось тем, что весь экипаж начал шутить и у всех поднялось настроение. Она всех заставила пролезть сквозь игольное ушко.

Оставив землю далеко позади, они плыли, свободные и уверенные в себе. Небо и море отливали жемчугом, острова в заливе поблескивали как драгоценности.

Анжелика смеялась, забавляясь всем, что бы ни сказал Вильдавре, строила множество планов. Она словно позабыла обо всем, что еще было в ее жизни.

А он узнавал в ней ту Анжелику, какой она была при дворе Франции: дерзкую светскую львицу, одну из «тех других».

«В Квебеке она произведет фурор...»

Ему захотелось проникнуть в ее прошлое, больше узнать о том периоде ее жизни, который был ему неизвестен. Что составляло тогда ее жизнь? Ему нужно было знать все, даже те вещи, что он яростно отметал, словно не желая понимать, какова была мера ее предательства.

И вот горечь, язвительность и худшие из видений сдали свои позиции. Стена рухнула, и, похоже, рухнула из-за дьяволицы. Теперь для него имело значение только то, что Анжелика здесь, она жива и пылко его любит, а он в любой момент может явиться к ней и ее обнять.

Остальное не имело значения. Но порой так хотелось узнать все тайны ее жизни, хотя бы для того, чтобы стать ей ближе.

«Моя жена!»

Жоффрей де Пейрак чуть опустил лампу, любясь сверкающим кольцом на пальце Анжелики.

Потом встал на колени и перецеловал все ее пальчики один за другим.

Как же крепко она спала! Он даже забеспокоился. Всякий раз его охватывал безотчетный страх.

Поставив ночник на круглый столик возле алькова, он наклонился еще ниже, стараясь уловить хоть какой-то трепет жизни в ее лице и ощутить слетающее с

губ дыхание. И с иронией себя выругал. Он столько раз видел на лицах признаки агонии и отвратительную, ледяную печать смерти... Зачем же искать это клеймо на прекрасном и сияющем спящем лице? Она отдыхала, восстанавливала силы.

«Кто же приходил ей на помощь, когда меня не было? – спрашивал он себя. – Что за мужчины?»

Он представил, как к нежным алым губам прикасаются чужие губы, чтобы напиться наслаждения, но тем самым и поделиться силой своей страсти, которая пьянит и возрождает к жизни.

Эта мысль его не задела, он ее принял и смирился с тем, что были мужчины – к счастью! – которые подставляли плечо, а в нужный момент и обнимали, тем самым спасая ее от отчаяния. Она была порой такой хрупкой. И тем не менее сокрушила грозных и опасных противников: Мулая Исмаила и Людовика XIV...

Каким оружием она поразила сердце жестокого и нетерпимого султана?

Он вдруг понял, что не ревнует... или почти не ревнует. Он силился познать тайну ее души, как познал тайну тела.

После того как он надел ей на палец это кольцо, ему показалось, что, утвердив свои права по отношению к невидимым и незнакомым соперникам из прошлого, он перестал ревновать.

А может, это мальчишество? Может, просто надо признать, что пережитый ими кризис, вскрыв все нарывы и уничтожив все сомнения, очистил их сердца?

Каково было неизвестное прошлое Анжелики, образы которого сейчас, казалось, оживают под сомкнутыми веками? Этого он не знал. Прошлое проскальзывало в разговорах, но после случая с Коленом Патюрелем она уклонялась, когда он пытался вызвать ее на откровенность.

И в этом тоже его вина. Он тогда обошелся с ней самым гнусным образом. Свой гнев, за которым скрывалась неизбывная боль от несправедливости жизни, он выместил, ударив ее.

– Любовь моя!

Он склонился над спящей Анжеликой и, не в силах противиться, коснулся губами ее полураскрытых губ.

Ему не хотелось смущать ее сон, но нетерпение увидеть, как она откроет глаза, как узнает его, уловить радостный блеск в ее взгляде, пересилило щепетильность.

«Интересно, что она мне скажет? Какое будет первое слово?»

Анжелика пошевелилась и прошептала:

– Спи! Спи, любовь моя.

Однако тут же открыла глаза, и при виде склонившегося над ней Жоффрея ее изумрудные глаза, все еще затуманенные сном, засветились от счастья.

– Ты улыбалась во сне. Что тебе снилось?

– Я была на пляже, ты нес меня на руках.

– На каком таком пляже? – с усмешкой спросил он. – Пляжей вон сколько...

Она рассмеялась, обвила его руками за шею и гладкой, теплой щекой прижалась к его щеке.

– Я задаю себе вопрос...

– Какой?

– На каком из пляжей ты была самой красивой, самой трогательной и самой ослепительной? Сам не знаю... Я тебя видел везде: и на ветру, и на солнце, и в шторм, и в Ла-Рошели, и еще в тот раз, когда ты бежала мне навстречу... Не могу решить... На каком из этих пляжей ты была красивее?

– Какая разница? Когда я бежала к тебе, мне до этого не было дела.

Она не просто бежала – летела... Земли под ногами не чуяла, охваченная безумным желанием добежать и прижаться к нему изо всех сил... даже если он ее оттолкнет.

Но он ее не оттолкнул. Он раскинул руки ей навстречу и крепко обнял.

А миг в Тидмагуче, в дыму и грохоте сражения, остался в них обоих как свет, изменивший ход событий к лучшему. Это было чудо, дар Небес, благословение за стойкость. Они не оступились, не дали себя загнать в западню. Нельзя было допустить, злые духи прознали об этом. Взглядом, жестами они передали друг другу это новое, несказанное чувство.

Она угадала в нем доброту – доброту простую и свободную, настоящую и действенную, без малейшей слабости. Единственной его слабостью была чрезмерная любовь к ней. И он ей об этом сказал. Она упрекала себя за то, что дала себя запугать в первый год после долгой разлуки, когда они заново налаживали отношения. Она робела перед его величавой манерой держаться, перед его язвительностью и силой, перед привычкой командовать и верой в свое предназначение, которую ничто не могло поколебать.

Он был не из тех, кто так просто позволит себя разгадать. Если он и хотел, чтобы его поняли, то ему было не важно, если его все-таки не поймут.

Сила его отчасти заключалась в том, что мало кто и мало что могло заставить его страдать.

Этот странный человек вполне мог возбуждать ненависть только тем, что был ни на кого не похож. У него на глазах рушились его творения, его дворцы, пропадало все имущество, но этим невозможно было его задеть, поскольку все свои радости и печали он черпал в другом, более таинственном источнике.

– О чем ты задумалась?

– О тебе.

Склонившись над ней, Жоффрей легонько провел кончиком пальца по ее золотистым бровям, словно наслаждаясь их нежным изгибом, поцеловал кончики пальцев и натянул на голое плечо кружевную простыню. Но она ее сбросила, села и через голову стащила с себя льняную сорочку.

– Обними меня! Обними меня!

– Сумасшедшая! Здесь холодно!

– А ты меня согрей!

Ее руки обвили вокруг его шеи, и она притянула его к себе. Она изо всех сил, изо всей своей слабости пыталась укрыться в нем от бед. «О! ты! – грезил она, покоряясь, – мужчина, который любит меня!»

И он увидел, как по ее лицу волной прошла мимолетная улыбка, которую вызывает экстаз, и вслед за улыбкой – выражение отчаяния, почти боли, которое часто сопровождает порывы глубокой любви.

«Мужчина, который меня любит, меня желает. Мужчина, которому нужно тепло моего тела, как мне нужно его тепло. Он меня и пугает, и успокаивает. Он избегает меня, и в то же время я знаю, что он всегда будет со мной, что он уже не сможет исчезнуть. Как это упоительно!»

Со страстью она притянула его голову к своей груди, и ее одолел какой-то безумный смех. И он рванулся к ней в нетерпении ответить на внезапно вспыхнувшее желание, насытить голод любви, который она открыла без всякого стыда. После Акадии ей уже было не страшно показаться сладострастной кокеткой. «Интересно, была ли она такой в объятиях своих любовников?» – пронеслось у него в голове.

Несомненно... Может быть... Он представил себе мадам дю Плесси-Бельер, владычицу Версаля... в чьих еще объятиях она смеялась вот так, без притворства и без удержу? Кто были эти мужчины? Колен? Король? Но тогда надо признать, что он ничего о ней не знает... С кем из них она не боялась быть такой смелой, такой дерзкой? Откуда ей известны такие тонкости, которым можно научиться только у разных учителей, когда каждый привносит свой стиль и свои фантазии? Сколько еще мужчин побывало в объятиях этой упоительной

Венеры, сколько их клали голову ей на грудь, оставляя там свою печать?
Впрочем, она оставляла еще больший след...

Так она ему отомстила.

И заставила его позабыть о соперниках в лихорадке наслаждения. Она была все время новой. Непонятно, как им это удавалось, но то, на что они осмеливались вдвоем, приобретало оттенок волнующей инициации.

Она откинулась на подушки, прекрасная в своей наготe, и волосы рассыпались, словно закрывая тело прозрачной вуалью. Он отвел этот покров, освобождая белоснежные плечи и грудь, которую он так любил целовать. Губы Жоффрея заскользили вниз по прекрасному как у мраморной богини, телу, туда, где белизна переходила в золотистую сладостную тень.

Тихонько и жалобно постанывая, неузнаваемая в своей беспомощности, она подставляла его поцелуям трепетную и желанную женственность. Это была безоговорочная капитуляция, и он понял, что она его больше не боится и приняла в нем равного себе партнера в любовной игре.

Сегодня он стал не повелителем, а другом, милым и соблазнительным, и у нее больше не было перед ним никаких обязательств, кроме вечерних наслаждений, преподнесенных от души и великолепно разделенных. И это придало их отношениям оттенок бесшабашной легкости.

А он подтрунивал над ее горячностью и самоотдачей, и оба, опустошенные и замороженные, чувствовали себя друзьями-заговорщиками. И это чувство давало им огромное преимущество: они могли отодвинуть на задний план все заботы, кроме необходимости наслаждаться досыта, до блаженной усталости, и возрождать друг друга к жизни простыми словами, сказанными на ушко.

– Тебе было хорошо?

– Волшебнo!

– Ты больше меня не боишься?

– О! Еще как!

– Тогда... ты пытаешься свести меня с ума и поработить своими чарами!

Она смеялась, а он бессчетными поцелуями подтверждал, что без ума от нее, что бесконечно счастлив с нею, что ни одна женщина не давала ему столько. И поддразнивал: теперь ему понятно, почему все мужчины к нему ревновали и хотели его убить. Ведь он обладает бесценным сокровищем.

И им казалось, что в их отношениях наступили свобода, ясность и радость.

– Ах, если бы мы могли все время жить на корабле, в плавании, чтобы перед нами простиралось море... – вздохнула Анжелика.

– Ничего не бойся. Нас и на земле ждет много хорошего.

– Не знаю, я словно вижу сон... но мы приближаемся – и то, о чем мечталось, удаляется и становится недостижимым. Все, что отделяло меня от мечты, вдруг возникло передо мной, я вспомнила все, что давно забыто, и людей такими, какие они есть. Я их знала слишком хорошо.

– Да ты себя само плохо знаешь. Все это только видения... – настаивал он. – Ты смотришься в прошлое, как в зеркало. Но не понимаешь, какая сила в тебе сегодняшней.

– Вся моя сила в тебе, – прошептала она, прижавшись к нему.

Приятно порой подчеркнуть свою зависимость, чтобы тебя приласкали. Он разгадал уловку, но все равно ее поцеловал.

– Мы еще об этом поговорим, я видел у тебя в руке пистолет. Сейчас мы еще далеко от Квебека, в открытой воде. В Тадуссаке мы зайдем в порт и сделаем передышку. Бьюсь об заклад, что там мы найдем друзей – или будущих друзей, с которыми заключим союз. Я многого жду от Тадуссака.

– Если только нас не встретят пушки и мушкеты...

– Да нет, это всего лишь перевалочная станция с фермой и церквушкой. Маленький колониальный поселок, куда наезжают индейцы, чтобы помолиться, а корабли заходят, чтобы пополнить запасы пресной воды. Население только и ждет случая поразвлечься. И мы им такой случай предоставим. Праздник с танцами на берегу реки. Как ты на это смотришь?

– С этой точки зрения завоевание Новой Франции кажется мне весьма привлекательным.

Они замолчали. Их тихо укачивал корабль. Снаружи сквозь туман доносилось эхо чьих-то голосов, они возникали то здесь, то там, выдавая присутствие людей, которые не спали. Все было спокойно.

Анжелика закрыла глаза.

Спала она или нет? Ей виделось, что она бросается сквозь пламя костра к темному силуэту человека, привязанного к столбу. Темная фигура ясно выделяется на фоне золотого пламени, но оглушительный треск и жар не дают ей подойти. Отделяют ее от колдуна, которого проклинали и сожгли на Гревской площади.

Видение длилось не больше секунды, и она с криком проснулась.

Он спал рядом, чудесным образом невредимый, сильный и безмятежный.

Стараясь не разбудить, она положила ладонь на его теплое запястье и почувствовала, как под пальцами бьется жизнь.

Сон был навеян тем, что ей пришлось испытать, когда она прыгала через костер в ночь на Ивана Купалу у басков, на острове Монеган.

Твердая рука гарпунера Эрнани д'Астигуарры подняла ее в воздух, перенесла через огонь и плавно опустила на землю с другой стороны костра.

– Ну вот, мадам, вы и получили оберег, – сказал ей баск. – Теперь целый год дьявол ничего не сможет с вами сделать.

И, наклонившись к ней, он быстро поцеловал ее в губы.

Глава X

Корабль, который шел за ними, показался в середине следующего дня. Он возник из зеленоватого тумана, висевшего над водой, заволакивая и прибрежный лес, и тусклый горизонт.

Флотилия Пейрака выстроилась полукругом от берега до берега широкой реки и перегородила пришельцу дорогу. Как и предполагал граф, сразу стало ясно, что это запоздавшее судно, которое с трудом тащилось к своей цели, не без потерь преодолев все превратности плавания. Оно дало крен на правый борт и сидело настолько ниже ватерлинии, что порой из-под волны торчали только мачты с изодранными парусами. А если накатывала волна повыше, то казалось, что судно вот-вот затонет.

Корабль держался на расстоянии, как напуганный, смертельно раненный зверь, вынужденный скитаться, не имея возможности ни повернуть назад, ни рисковать попасть в сети, которые, как он чувствовал, раскинула для него чужая флотилия.

Оказавшись перед ожидавшими его кораблями, судно закружилось на месте, видимо, чтобы оттянуть по возможности неприятную встречу.

Онорина облекла в слова то странное чувство, которое охватило всех при виде корабля.

– Бедный! Бедный корабль, – простонала она, охваченная жалостью. – Как же дать ему понять, что мы не желаем ему зла?

Она находилась на мостике рядом с Жоффреем де Пейраком, который поднял ее вровень со своим высоким ростом, усадив на лафет пушки. Он часто брал ее к себе на мостик во время пути.

– Ты что, потопишь его со всем грузом?

Иногда она обращалась к нему на «ты», особенно когда они разговаривали на равных.

– Нет, мадемуазель, он такой жалкий...

Анжелика издали смотрела на мужа и дочь. Она находилась на нижней палубе, где собралось много народу. Услышать, что говорили друг другу Жоффрей и Онорина, она не могла, но, подняв глаза, с удовольствием наблюдала их полное согласие. Привязанность Жоффрея де Пейрака подняла на неожиданную высоту эту рыжеволосую малышку, которую в Квебеке тоже ждали. Она была обречена прозябать в неизвестности, но судьба соединила ее с необыкновенным человеком, окруженным ореолом легенды, столь же яркой, сколь и мрачной. И это удивительно подходило юной Онорине де Пейрак. Она нисколько не сомневалась, что теперь у нее в руках и вся Канада, и высокомерный город. И это было справедливо и законно. Минуту спустя Жоффрей и Онорина исчезли из виду, и Анжелика снова их увидела, когда они рука в руке спускались по лесенке с полюта. На Жоффрее была кожаная черная маска, которую он часто надевал, стоя на капитанском мостике. Она подчеркивала суровость его высокой фигуры и хрупкость крошечного существа в пышной юбочке, которое шествовало рядом.

Анжелика услышала, как Жоффрей сказал Онорине:

– Мы проследуем до Тадуссака и не станем мешать этому кораблю.

– А в Тадуссаке?

– Мы представимся и осведомимся, нет ли у него на борту кого-либо опасного для нас. А потом осмотрим его трюмы.

– Вы пират, господин! – вскричала Онорина, точно копируя интонации интенданта Карлона.

Анжелика не выдержала и рассмеялась. Ей подумалось, что ничто теперь не сможет разрушить любовь, которая их объединяет. Часы, проведенные ночью в объятиях Жоффрея, вселили в нее ощущение эйфории.

Ее сердце забилося сильнее при виде дорогих существ. И у них за спиной она увидела светящийся ореол блистательной и богатой жизни, обещание щедрой на радости судьбы.

Полуживой корабль, который еле тащился у них в кильватере, был похож на противника, готового молить о пощаде, лишь бы его не разгромили. Может, поэтому Жоффрей де Пейрак был так спокоен, направляясь в Новую Францию под своим настоящим титулом графа Тулузского? Может, он надеялся на полную амнистию у короля?

Вопреки всякой вероятности Анжелика начинала понимать, что силы теперешнего Жоффрея намного превосходили силы Жоффрея прежнего, поскольку он был свободен. Здесь он не был скован законами вассальной зависимости, как прежде, невзирая на могущество властителя Аквитании. Ему надо было либо подчиняться, либо вступать в бой. Что потеряет король Франции, воздав ему по заслугам? Чем может его теперь напугать далекий противник?

Однако на следующее утро наступили перемены не столько в погоде, сколько в настроении Анжелики, которую снова одолели дурные предчувствия, и случилось это из-за фразы, брошенной солдатом Адемаром.

Все снова собрались на палубе. Капитаны флотилии прибыли раньше, чем намечали, чтобы обсудить ситуацию с кораблем, который, казалось, не сможет добраться до пункта назначения. Надо ли прийти к нему на помощь? Куасси-Ба и метрдотель с молодыми помощниками разносили прохладительные напитки, но внимание всех было приковано к беспомощным маневрам странного корабля. Уже установили, что судно было торговое, шло из Гавра или из Онфлера и принадлежало «Обществу ста компаньонов».

Увидев, что подозрительные суда, которые на рассвете выстроились полукругом и могли оказаться кем угодно – англичанами или пиратами, – удаляются, бедствующий корабль продолжил свой путь. Вопрос заключался в том, дотянет ли он хотя бы до Тадуссака. Собравшиеся прикидывали, кто же мог отправить его в Канаду в столь позднее время. Ведь он наверняка заходил в какую-то из гаваней залива Святого Лаврентия в Шедиаке или в самом Тидмагуче? Может, ему бы лучше было там и остаться?

Все уже взялись за подзорные трубы, как вдруг раздался плачущий голос Адемара:

– А что, если этот несчастный парусник взял на борт герцогиню?

– Какую герцогиню? – вскричали все, разом повернувшись к нему.

Ответить он не пожелал и принялся усердно креститься, но все его поняли. Парень он был простоватый, из деревенских, у такого в голове всегда полно всяких предрассудков и фантазий. И тем не менее сердца у всех сжались от недоброго предчувствия.

– Что ты несешь? Ты что, с ума сошел? – сквозь зубы проговорила Анжелика. – Герцогиня! Да она мертва, сто раз мертва! Мертва и похоронена!

– С этими никогда ничего не знаешь... – пробормотал Адемар и снова начал креститься.

С трогательным единодушием все стали глазами искать графа де Пейрака, словно ища у него поддержки, но он отошел довольно далеко. И тогда все набросились на Вильдавре.

– Друзья мои, давайте успокоимся, – решительно заявил маркиз. – Мы все еще находимся под впечатлением событий, которые нас сильно взволновали. Но мы должны забыть, ВСЕ ЗАБЫТЬ. Послушайте меня внимательно! Мы должны прибыть в Квебек, выбросив из головы все воспоминания о том, что произошло в заливе Святого Лаврентия. Да-да, и вы, Карлой, тоже. Вы все должны забыть. У нас нет выбора, потому что только так мы сможем выпутаться...

Он говорил с необычной для него торжественностью. Уже одно это свидетельствовало о том, что он очень серьезно отнесся ко всему, что скрывалось за драмой, в которую они все оказались замешаны: к возможным осложнениям с судом инквизиции.

– Даже в случае вполне законной защиты от... Сатаны, – снова заговорил он, понизив голос и оглядевшись по сторонам, – мы все знаем, насколько тонкая штука – оказаться привлеченным к такого рода процессу. Я вам уже говорил,

Карлон: молчание и забвение. Это лучший из способов не проговориться тем, кто будет любопытствовать.

– А если «она» воскресла? – крестясь, повторил Адемар.

– «Она» не воскреснет, – отрезал Вильдавре. – И если ты еще хоть раз осмелишься на такие намеки, я сломаю палку о твою спину, – прибавил он, угрожающе замахнувшись, – или велю в Квебеке заковать тебя в цепи, а может, и повесить как дезертира.

Перепуганный Адемар удрал.

– Господин де Пейрак прекрасно уладил эту историю, и не будем больше о ней говорить, – продолжил маркиз, которому очень нравилось с веселым видом напоминать, что он губернатор Акадии, а потому несет моральную ответственность... – Прибавлю только, что мы все прибываем в Канаду здоровыми и телом и душой, что уже само по себе чудо, учитывая все, что мы вынесли. И за это чудо нам следует возблагодарить Господа. И если нас будет смущать страх перед нечистой силой, не будем забывать, что мы находимся на почти христианской территории благодаря неутомимым стараниям наших миссионеров, которые вот уже пятьдесят лет приносят в жертву этой языческой стране свой трудовой пот и мученическую кровь. Канада – это не Акадия, а скорее наоборот: там, насколько мне известно, живет еще множество нечестивцев.

Он бросил взгляд в сторону братьев Дефур:

– Исходя из этого, я неусыпно слежу, чтобы с неверием велась борьба, и вот результат: мы одолели сатанинскую силу. Все кончено. Так давайте же взбодримся. Теперь мы в безопасности. К тому же у нас на борту благочестивые служители Церкви, и они вселяют в нас уверенность своим служением. Нынче утром отец Кантен отслужил мессу... Силы ада больше не станут строить нам козни.

– Аминь! – с ухмылкой вставил Карлой. – Можете подняться на кафедру!

– Смейтесь, смейтесь, а я имел дело с теми, кто намного сильнее нас! Их было по меньшей мере легионов восемьдесят, – выкрикнул Вильдавре, потрясая палкой с

серебряным шаром-ручкой, – и я знаю, что говорю! Вместе с мадам де Пейрак я отражал безумные атаки... Вы появились только к концу, и вам было не по себе на пляже в Тидмагуче, когда эта одержимая бросилась на нас с ужасным воплем. Я видел, как вы побледнели! Так вот: последуйте моему совету. Я уже сказал: все должно остаться между нами! Только поэтому мы уклоняемся от расследования... Стена молчания. Все забудьте и улыбайтесь! Жизнь прекрасна!

Взяв за талию Анжелику, он увлек ее в сторону:

– Не тревожьтесь.

– Ноя...

– Я вас хорошо знаю... Я слышал, как забилося ваше сердце... Ох уж эти ранимые Стрельцы! – Он коснулся пальцами ее щеки. – Глубокую чувствительность этого огненного знака обычно недооценивают. Стрельцы всю жизнь обречены быть мишенью для ненависти, которую возбуждает их одаренность и порядочность. Они нетерпеливо скачут во весь опор и целятся своей стрелой прямо в небеса, а потому их считают неукротимыми и лишенными слабостей. А ведь они страдают оттого, что одновременно присутствуют и на земле, и в небесах.

– Вы говорите о моем знаке? – спросила заинтригованная Анжелика.

– Ну да! Вы Стрелец!

Вильдавре поглядел в ночное небо, словно увидел, как скачет там мифический кентавр, а звезды робко прячутся за густыми облаками.

– Стрелец – посланник мира земного в мир потусторонний. Вот почему, Анжелика, вы легче, чем кто-либо, становитесь жертвой демонического существа. В какой-то мере, – тут он наклонился к самому ее уху, – вы ИЗ ТОЙ ЖЕ ПОРОДЫ, понимаете? Вы умеете разгадывать их намерения, вы способны понять их фантазмагорию... но вы созданы побеждать, поскольку принадлежите к земному миру и вас не проведешь. Не тревожьтесь о том, что было, и о том, что будет...

– У меня даже в груди заболело, – сказала Анжелика, положив руку на корсаж. – Как вспомню тот ужасный крик – просто заболеваю. Должна вам сказать, тогда мне действительно было страшно. Я немного суеверна... Я солгала, когда сказала вам, что совсем ее не испугалась... Демоны вообще меня пугают, будь то инкубы или суккубы.

– Будьте уверены, вы им платите тем же.

– Вы действительно разбираетесь в науке о звездах, маркиз?

– Я разбираюсь почти во всем, – скромно признал Вильдавре.

– И вы полагаете, что мы ее не до конца одолели, нашу герцогиню? Что слишком много ростков она пустила в эту землю? К ней будут взывать в Квебеке, будут доискиваться, в кого она превратилась.

– Я сказал, молчите.

– Королевские дочери разболтают.

– Они слишком напуганы. Я позволил себе напомнить им, что они состоят на службе у того, за кем гонится инквизиция, а потому их тоже могут отправить на костер. Бедняжки! Думаю, они до самой смерти будут бояться, что ОНА перед ними возникнет!

Анжелика размышляла о покушении, в котором де Варанж встретил свою смерть. И об этом тоже ни звука! Группа заговорщиков хранит молчание среди других заговорщиков, которые тоже должны молчать, но по другому поводу. Получается, что все корабли везут компанию заговорщиков, которых волей-неволей объединяет одно чувство: они оказались в центре липкой сети интриг и выбраться оттуда смогут только благодаря силе духа и совместной удаче. Отныне, высадившись в Квебеке, им придется держаться вместе, храня в каждой складке одежды душок постыдной тайны Акадии.

– А вы верите, что она умерла? – тихо спросила Анжелика.

– Она УМЕРЛА, – подтвердил Вильдавре. – А вы должны себя убедить в другом: жива она или мертва, она не может причинить вам никакого зла. Раненый Стрелец продолжит свой путь и высоко поднимет свой лук к триумфу... А что касается науки о звездах, я познакомлю вас в Квебеке с одним священником, моим другом, который весьма в этом сведущ. Он вам расскажет удивительные вещи о вашей судьбе и о судьбе господина де Пейрака... Вот увидите!

Часть третья

Тадуссак

Глава XI

– Тише, матросы!

Глуховатый голос Эриксона, усиленный рупором, пронесся над заливом, передавая первоначальную информацию командирам всех кораблей.

– ТИШЕ, МАТРОСЫ!

Затем последовал длинный список приказов:

– Выбрать гитовы нижних парусов! Отдать шкоты большого паруса!

В тишине, наступившей после первой команды, по палубам затопали босые ноги. Матросы приступили к маневру.

- Выбрать все гитовы нижних парусов и булины... Закрепить все гитовы...

Утро окрасило в пастельные тона стоящие в ряд корабли. На каждом из них капитаны повторяли команды флагмана, и им вторили крики чаек и бакланов, круживших в туманном утреннем свете, и невозможно было разобрать, где кончается небо и начинается вода.

- МАРСОВЫЕ МАТРОСЫ, НАВЕРХ!

Словно проворные обезьяны, матросы бросились к вантам.

- Распределиться по реям... Взять линьки реев и завести их за паруса...

Анжелика стояла на носу «Голдсборо» рядом с Пейраком. Там собрались все пассажиры, а вокруг суетилась команда, спуская паруса и подготавливая судно к дрейфу. Широко раскрытыми, полными радостного ожидания глазами они всматривались в открывшуюся панораму. На берегу теснились деревянные домики, среди садов на склонах холмов виднелись хуторские постройки из серого камня, полосы возделанной земли поблескивали под ледяной коркой как зеркала.

В центре склона, между рекой и деревней, возвышалась остроконечная колокольня маленькой, со вкусом отделанной церквушки. Свинцовая оправа стекол сверкала в рассеянном утреннем свете.

Слева на вершине мыса расположился небольшой деревянный форт с четырьмя башенками и простым донжоном, над которым развевался белый флаг с золотыми королевскими лилиями.

- Тадуссак! Франция!

Грохот опускающейся якорной цепи раскатился по тихому заливу и эхом отразился от розовых гранитных скал, что громоздились в устье речки Сагены, впадавшей в реку Святого Лаврентия.

И снова наступила тишина, которую нарушали только крики морских птиц.

Весь пейзаж тонул в легкой пелене тумана, и цвета казались одновременно и тусклыми, и яркими. Среди домов поселка, расположенных ярусами, то здесь, то там виднелись красные и золотые вкрапления осенних вязов и кленов. А дым поднимался из каминных труб такими белоснежными струйками, что казалось, его нарисовала рука художника.

Палисад маленького индейского лагеря, на полпути от форта до первых пихт на лесной опушке, был окутан голубоватым дымком.

- На первый взгляд все спокойно, - сказал Пейрак, всматриваясь в подзорную трубу. - Жители поселка вышли на берег, но никаких воинственных намерений, похоже, не имеют. И со стороны форта тоже никакого движения.

- Если они не вызвали из Квебека подкрепление для гарнизона, то у них не больше четырех солдат, - заметил Карлой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21146878&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Твиндек — межпалубное пространство.

2

Королевские дочери — девочки или девушки-сироты из дворянских семей, чьи родители умерли или погибли в бою. Девочек брал под свою протекцию лично король Франции. Они воспитывались в пансионе, откуда выходили сестрами милосердия или миссионерками. Группа таких миссионерок отплыла к берегам Новой Франции в 1663 г. В память об этом событии во Франции функционирует историческое общество «Королевские дочери», которое, помимо благотворительности, занимается еще историческими праздниками и реконструкциями на территории Франции и Канады.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ann-golon/anzhelika-i-zagovor-teney-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)